

РОССИЯ
ДЕРЖАВНАЯ

РУДОЛЬФ
БАЛАНДИН

ИСКУШЕНИЕ
СВОБОДОЙ

Рудольф Константинович Баландин
Искушение свободой
Серия «Россия державная»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25065024

Искушение свободой / Рудольф Баландин: Вече; Москва; 2019

ISBN 978-5-4484-8027-0

Аннотация

Рассказ о жизни и необычайных приключениях отважного путешественника, выдающегося учёного, бывшего камер-пажа императора, революционера-анархиста князя Рюриковича Петра Кропоткина. А также о событиях 1917—1918 годов в России, трагедии анархического движения и о непростых судьбах некоторых русских людей.

Содержание

Предисловие	4
Глава I. Возвращение	9
Глава II. Смутное время	45
Глава III. Тайна личности	99
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Рудольф Баландин

Искушение свободой

Предисловие

9 декабря 1992 года в Институте экономики РАН проходила Международная конференция, посвящённая 150-летию учёного, анархиста князя Петра Алексеевича Кропоткина. Обстановка была деловая, скромная.

После моего доклада в перерыве ко мне подошёл коренастый улыбчивый японец средних лет, представился: «Харуки Вада, Токийский университет». Он хорошо говорил по-русски, был горячим поклонником Кропоткина и подарил мне свою статью «Кропоткин и Вера Фигнер», написав: «На память о встрече».

Меня приятно удивил интерес представителя Страны восходящего солнца к нашему соотечественнику, которого власти старались не замечать ни при царе, ни в СССР, ни в буржуазно-демократической РФ. Имуцим власть и капиталы опасны и вредоносны такие понятия, как справедливость, свобода, равенство, братство.

Разговаривая с японцем, я обратил внимание на представительного пожилого мужчину: лысоватый лоб, седые усы, очки с толстыми линзами. Он поглядывал на меня, и мне

показалось, что хотел бы поговорить со мной. Раскланявшись с Харуки, я шагнул в сторону незнакомца, он – мне навстречу со словами:

– Позвольте с вами познакомиться, Иван Сергеевич Воздвиженский.

Мы обменялись рукопожатиями. Он был по профессии экономистом-географом. Ему когда-то понравилась в моей книге «По холодным следам» глава, посвящённая Кропоткину. И он стал писать о нём книгу для серии «Жизнь замечательных людей».

– Писателем захотели стать? – спросил я.

– В некотором роде.

– Могу чем-то вам помочь?

– Если природа не наделила талантом, никто уже не поможет.

– Не боги горшки обжигают. Если вы владеете материалом...

– О, у меня имеются в чём-то даже уникальные записи, заметки моего отца, Сергея Арсеньевича. Он встречался с Петром Алексеевичем и начал писать о нём книгу. Он был журналистом... Человек непростой судьбы. Родился во Франции, приезжал в Россию как корреспондент парижской газеты...

– К сожалению, с Кропоткинским ситуация сложная. Я не смог пробить в издательствах заявку на такую книгу. Написал о Вернадском, Ферсмани, Миклухо-Маклае, Джордано

Бруно. О Кропоткине – не удалось. Говорили, могут быть проблемы с цензурой.

– Теперь новая власть, цензуры нет. Академик Абалкин ведёт эту конференцию. Значит, идеи Кропоткина становятся актуальными.

– Не уверен... Но готов вам помочь.

– Знаете ли, я привык писать специальные научные статьи. А тут требуется нечто художественное.

– А вы пробовали писать без затей, как разговариваете?

– Да, пробовал. И убедился, что писать просто – сложно... Увы, казённый стиль вьедлив. Это, знаете ли, как акцент, от которого избавиться трудно. Да и возраст... В общем, не хотелось бы, чтоб эти материалы пропали или попали в плохие руки. Может быть, вы возьмётесь за эту работу?

Я обещал подумать.

С тех пор мы с ним дважды встречались. Он был одинок, на пенсии, подрабатывал в какой-то фирме консультантом. Я подумал: теперь его знания экономической географии СССР используют для выгодной торговли нашими природными ресурсами. Он как будто уловил мои мысли:

– Знаете ли, я специалист по экологии. Точнее, по техногенным загрязнениям окружающей среды. Мои рекомендации касаются охраны природы и здоровья людей. Хотя, как я замечаю, они нужны им больше для отчётов, а используются выборочно. Выгода на первом месте.

Материалы, оставшиеся от его отца, занимали две объёмистые папки: тетради, блокноты, заметки на листках, выписки из работ Кропоткина, комментарии к ним, черновики статей на французском и русском языках, наброски биографии Петра Алексеевича. У одной папки было то же заглавие, что и у моего очерка: «Мятежный князь».

Были записи личного характера. Не всегда можно было решить, то ли это описание реальных событий и лиц, то ли наброски романа.

Материалы Сергея Арсеньевича нуждались в серьёзной доработке. Не было смысла приниматься за работу, требующую больших затрат времени, без надежды на публикацию книги.

Так бы и осталось предложение Ивана Сергеевича нереализованным, если бы не очередная случайность. Одно издательство задумало серию исторических романов. Я предложил им две книги в одной. Одна линия – на основе дневниковых записей Сергея Арсеньевича, другая – в связи с его работой над жизнеописанием Петра Кропоткина. Обе линии взаимно связаны. Заявку приняли.

Некоторые события жизни Сергея Арсеньевича я воссоставлял с немалой долей фантазии, а материалы из его папки под названием «Мятежный князь» частично обработал и дополнил. Привёл ряд его статей, опубликованных во Франции.

Можно было ограничиться описанием событий, эпизода-

ми жизни, чтобы эту мозаику читатель сам складывал в единую картину. Часто говорят: дайте мне факты, а в остальном я и без вас разберусь.

Много лет сотрудничая в научно-популярных изданиях, я убедился, что это глубокое заблуждение. Самое трудное – работа с фактами.

Все крупные открытия в науках и философии были сделаны не потому, что у мыслителя были какие-то никому неизвестные сведения. Он знал порой меньше, чем некоторые его современники, но умел обдумывать факты лучше других.

Впрочем, любой из нас уверен, что он-то умеет во всём разобраться самостоятельно. Не стану возражать. Каждый размышляет на свой лад в пределах своего умственного кругозора. Свобода!

Глава I. Возвращение

1

13 июня 1917 года пассажирский поезд из Стокгольма в Петроград шёл с большим опозданием. Дважды его задерживали в пути по независящим от железной дороги обстоятельствам.

На станции Белоостров, несмотря на поздний час, перрон был полон народа. Паровоз едва двигался, давая нервные гудки; путь перед ним то и дело пересекали группы людей. Военный оркестр грянул «Марсельезу». Толпа заволновалась.

В купе второго класса молодой человек, выглянув в окно, произнёс, грассируя, с лёгким французским акцентом:

– Странно... Неужели с нами едет какая-то французская делегация?

– Вовсе не обязательно, Сергей Арсеньевич, – отозвался упитанный господин средних лет с профессорской бородкой клинышком. – Нынче так приветствуют всяческих вождей. Их у нас развелось, как блох на бродячей собаке, пардон.

Последнее слово предназначалось Варваре Фёдоровне и её дочери Полине, сидящим на противоположных креслах.

Прошёл кондуктор, легонько постукивая по дверцам купе и скучным голосом повторяя: «Станция Белоостров. Выходить зазря не рекомендуется».

– Такая вот Россия, – хмыкнул господин. – Без царя... во главе.

– Я так волнуюсь, – сказала Варвара Фёдоровна. – Как-то нынче Петербург?

– Нет его, сударыня. Был Санкт-Петербург, да приказал долго жить. Теперь это Петроград.

Поезд вздрогнул, лязгнув буферами, и остановился. Молодой человек решительно встал и направился к выходу.

– Ах, Сергей Арсеньевич, зачем искушать судьбу? – попыталась его образумить Варвара Фёдоровна.

– Профессия обязывает! – ответил он. – Да и что может случиться? Слышите, приветствуют кого-то.

Впереди раздались плохо различимые выкрики и троекратное «Ура!».

Сергей протиснулся мимо кондуктора, монументально стоящего в дверях вагона и грозившего кому-то зажатым в увесистом кулаке флажком: «Осади назад, говорю! Билет надобен».

2

Сойдя на перрон, Сергей начал протискиваться сквозь толпу, где преобладали солдаты. От предпоследнего вагона,

в котором ехал он, до митингующих было далеко. Впереди пытался пробиться к центру событий благообразный старичок, приговаривая:

– Господа, господа, позвольте пройти... Мы с князем Петром Алексеевичем Пажеский корпус кончали... Такая встреча, господа... Пятьдесят лет спустя... Позвольте.

К нему сбоку прилип услужливый мальчонка: «Я помогу, дяденька, давай, давай». А его ловкие ручонки выудили из одного кармана господина носовой платок с вензелем, из другого – тощее портмоне.

Сергей схватил мальчишку за шиворот:

– Разбойник, ты что делаешь?

– Экспроприация! – неожиданно выпалил тот, рванул и ввинтился в толпу. – Сам спёр, а меня хватает! Вот он!

Старичок, хватившись пропажи, воздев руки, словно обращаясь к Всевышнему, возопил:

– Как же так, господа товарищи? Где моё портмоне?

Толпа, подобно живой студневидной массе, колыхалась, как бы дыша; отдельные её части то продвигались, то отступали. Слабое движение влекло Сергея к месту митинга. Но старичок не унимался. Он глядел в упор на притиснутого к нему Сергея:

– Где моё портмоне? Попрошу вас вернуть.

– Что вы, милостивый государь...

К Сергею повернулось несколько суровых лиц. Чьи-то крепкие руки легли ему на плечи. Кто-то пробасил: «Отдай

кошелёк добром». Другой голос, тенорком: «Ишь, вырядился. Сразу видать, шпана».

– Как же так? – вновь обратился старичок почему-то именно к Сергею. – Это же грабёж среди белой ночи!

Бас: «Обыскать надо». Тенорок: «Давка тут. Не получится». Бас: «Ведём его в сторонку».

– Господа, поверьте, это недоразумение, – каким-то не своим голосом заверещал Сергей и, разозлившись на себя, замолчал.

– Там разберёмся, – успокоил тенорок, подталкивая его сзади. – А ты, дедок, держись рядом.

Они выбрались из толпы, остановились у забора с выломанными там и тут досками.

– Ну, обыскивайте. Как вам не стыдно, – зло сказал Сергей, поднимая руки.

Высокий худой темноволосый солдат, угрюмо глядя на него, пробасил: «Ты давай не стыди. Коли взял, то отдай... А ты, дедок, видел, как он стянул?»

– Какой я тебе дедок, хам! – неожиданно взвизгнул старичок. – Я генерал в отставке!

– Ты тут не разоряйся, господин хороший. – Тенорок второго солдата прозвучал угрожающе. – Не то нынче время. Ты гражданин, и мы граждане. Понять надо.

– Граждане, это недоразумение. Обыскивайте, пожалуйста. Я репортёр из парижской газеты, у меня есть удостоверение.

– На фиг ты нам сдался, – отрезал бас. – Трепортёр парижский.

– Возможно, это не он, – успокоившись, проговорил генерал в отставке. – Я же не видел, а он был рядом.

– Возле вас был гарсон, Гаврош, можно сказать. Это он, я его даже схватил, но он вывернулся, – пояснил Сергей.

– В моём портмоне ничего ценного не было. Дело принципа. Воровство – грех большой.

– Как народ обдирать, Россию грабить, это вашему брату не за грех. А как своего кошелька лишился, так сразу про грех вспомнил! – У тенористого солдата – коренастого, широкоплечего, круглолицего – щёки покраснели, голос от волнения стал хриплым.

– Я родину не предавал! – резко, отрывисто, звонко произнёс отставной генерал.

– Прошу прощения, – вмешался Сергей, чувствуя, что зревает конфликт на зыбкой почве классовой вражды. Его словно осенило вдохновение: – Граждане солдаты, скажите, у того, кто продаёт родину и народ, какой бывает кошелёк?

Высокий чёрный солдат крякнул, как-то по-детски хихикнул, покачав головой, и пробасил: «А парень-то не промах!»

– Аблакат, видать, – хмыкнул тенорок. – Только не факт про кошелёк. У него, может, в банке мильён.

– Никак нет, господа солдаты, – негромко и грустно сказал старичок. – Было у меня тут недалеко захудалое имение. Так его разграбили и сожгли. Не наши, а пришлые. Вроде бы

даже дезертиры. И спросить не с кого.

– Это бывает, – пробасил высокий, отворачиваясь.

– Мы ж порядок желали навести, – миролюбиво сказал его товарищ. – Извиняйте, если что не так.

Стоявший невдалеке на ступенях при входе в вокзал оркестр под крики «Ура!» грянул «Прощание славянки». Уже не в первый раз зазвенел колокол и проревел в ответ паровоз. Состав дёрнулся и остановился.

– Пардон, мой поезд! – бросился в толпу Сергей, продираясь к своему вагону. Толпа возле состава была особенно плотной. Многие старались забраться в вагоны, висели на поручнях. Кондукторы твёрдо держали оборону. Сергей понял, что его положение безнадёжно.

Лязгнули бuffers вагонов, тронулся поезд и под отрывистые гудки поплыл, набирая скорость. Увидев перед собой свой вагон, Сергей, словно обретя новые силы, рванулся вперёд, оттолкнув кого-то, и уцепился правой рукой за поручень. Кондуктор, стоя на второй ступеньке, бил древком флажка по рукам наседавших, приговаривая: «А ну, осадил! Не лезь, бесовское племя». Усы его грозно топорщились.

Сергея занесло в сторону, он нелепо дергал ногами, не доставая ступеньки, а правой рукой цепляясь за край окна вагона.

Поезд набирал ход. Кондуктор, сунув флажок за пазуху, нагнулся, схватил Сергея за ремень и подтянул к себе. Почувствовав под ногой ступеньку, Сергей схватил другой ру-

кой поручень. Кондуктор, отступил:

– Говорил ведь, не рекомендуется.

– Премного благодарен, – тяжело дыша, сказал Сергей, и спазмы сдавили ему горло. Он едва не разрыдался. – Пардон...

Вошёл в своё купе, как в дом родной, готовый выслушать упрёки людей, которые вдруг стали для него удивительно близкими.

– Я так за вас испугалась...

– Ну что, окунулись в омут революции? Благо что вынырнули живым. Правда, пуговицу потеряли, да и рукав как будто порван.

– Полиночка, дитя моё, достань иголку с ниткой.

– Мерси, мадам. Это было бы весьма кстати.

– Вы позволите? – Полина наконец-то улыбнулась. Её лицо с правильными чертами, чуть курносый носом и большими серыми глазами было каким-то блёклым (по-видимому, она не употребляла косметики). Но улыбка придавала ему неожиданное очарование, нечто солнечное и лучистое. Во всяком случае, такое впечатление её улыбка произвела на Сергея.

Он снял и передал ей свой парусиновый пиджак, имевший жалкий вид. Как обычно бывает после избавления от опасности, он ощутил безотчётную радость и рассмеялся:

– Едва ноги унёс... Меня за вора приняли. Представляетесь?.. Репортёр парижской газеты – и воришка? Абсурд!

В дверях возник кондуктор и, ни на кого не глядя, назидательно произнес:

– Я предупреждал, господа. У нас беспорядки. Ходят да поют, толпятся и речи всякие. Революция, говорят... А по мне, так шантрапа сама себе праздник устроила. Им бы только не работать да в армии не служить.

– Великая французская революция, – негромко, но твёрдо сказала Полина, не отрываясь от шитья, – провозгласила идеалы свободы, равенства и братства.

– Это, барышня, извиняюсь, говорят, кто народа не знает. А в нашем народе только дай повадку... Как свобода, так норовят грабить да поганить. Вон без билета прут. В прошлый раз камнем окно вдребезги. Выходит, кто преступник, а кто – трудящий – всё равенство? А уж какое братство, сами видели. Не хочу дурного слова сказать.

– Подождите. – Сергей достал из своего саквояжа золотой рубль с портретом царя, протянул кондуктору. – Спасибо вам. Можно сказать, спасли мне жизнь.

– Премного благодарен... Такая наша работа... – Взглянув на изображение царя на золотом, хмыкнул: – А нынче-то жизни грош цена.

Он удалился. Солидный господин назидательно сказал, обращаясь к Полине, но имея в виду всех слушателей:

– Всякая революция, барышня, это болезнь общественного организма. В отличие от прочих кризисов, это тяжёлая болезнь. Здоровому организму она не страшна. Переболеет

и, глядишь, крепче прежнего станет. Но для рыхлого, изнурённого войной российского общества революция угрожает полной катастрофой. Законная власть свергнута. Бесчинствует анархия. Войска бегут, рабочие бастуют, крестьяне бунтуют... Вон, взгляните, иллюстрация.

За окном проплыл обугленный остов то ли дачи, то ли усадьбы, расположенной на холме, недалеко от небольшой церквушки.

В пути, как нередко бывает, пассажиры не только познакомились, но и сдружились своеобразной дорожной дружбой – скоротечной, ни к чему не обязывающей, а потому доверительной, откровенной.

Варвара Фёдоровна была как бы хозяйкой этой передвижной комнатки, а почтенный Станислав Викторович – профессор экономики и статистики, член Русского географического общества – был на правах временного отца семейства.

3

Сергей всё ещё был возбуждён. Достал из саквояжа тетрадь в красном сафьяновом переплёте и книгу такого же размера с тёмно-синей обложкой и золочёным крестом. Сделав несколько записей в тетради, сказал с улыбкой, словно извиняясь:

– Видите ли, у меня удивительные родители. Можете себе представить, единство противоположностей, как выражается

папа. Он увлечён диалектикой, убеждённый атеист из народовольцев. Вынужденный эмигрант. А маман православная. И четверть века они пребывают в любви и согласии.

– Счастливые, – вздохнула Варвара Фёдоровна.

– Позвольте, как же они венчались? – удивился Станислав Викторович. – Ситуация парадоксальная. Она должна исполнить православный обряд, а ему путь в церковь заказан.

– Отца, конечно же, крестили в младенчестве. А в церковь он пошёл ради невесты. Невзирая на осуждение товарищей по партии. Преодолеl, как говорит маман, атеистические предрассудки.

– Любовь творит чудеса, – снова вздохнула Варвара Фёдоровна.

– Тем не менее, – усмехнулся Станислав Викторович, – ваша уважаемая маман своих религиозных предрассудков не смогла преодолеть.

– Разве это имеет значение?.. Нет, мне кажется, и маман уступила. Она же прекрасно знала, что он атеист и лишь отдаёт дань формальности... Но я имел в виду другое. Вот эту красную тетрадь вручил мне отец. Его напутствие звучало примерно так: «Без Бога и царя свободное Отечество втрое дороже». А маман передала Новый Завет и сказала: «Не забывай Господа нашего Иисуса Христа. Открывай почаще книгу, она наставит на путь истинный». Не правда ли, оба родителя совершенно правы?

– Ваша маман умная женщина, – сказала Варвара Фёдо-

ровна. – Я тоже не расстаюсь с Библией. Она у меня в багаже.

– Я никогда не был приверженцем триады «Бог, царь и Отечество», так же как пророчества преподобного Филофея «Москва – Третий Рим». Но после Февраля пришлось кое-что пересмотреть. Отказался народ от царя, а многие и от Бога, вот и Отечество как-то скукожилось. Вроде бы так, одна абстракция. Четвёртому Риму, пожалуй, не бывать. А Третий-то Рим приказал долго жить.

Станислав Викторович привык читать лекции, что чувствовалось и в разговоре. Но теперь в его голосе сквозила печаль.

Где-то впереди раздался выстрел, ещё один. Поезд резко затормозил. Варвара Фёдоровна едва не упала в объятия Сергея, а Полина – Станислава Викторовича. Состав медленно двинулся назад. Остановился.

По коридору тяжело пробежал кондуктор:

– Дамы и господа, попрошу всех от окон. Зазря не высывайтесь, коли голова дорога.

Впереди лихо заиграл нестройный оркестр «Цыплёнок жареный». За окном – чёрные знамена. Матросы. Транспарант: «Анархия – мать порядка!»

Сергей в рубашке вышел в тамбур. Кондуктор, теребя усы, пробурчал: «Антихристы, пронеси господаи». Трижды перекрестился. Остановил Сергея, не дав ему сойти на платформу:

– Э-э, господин, тут и вовсе без штанов останетесь.

Однако толпа вела себя организованно. Впереди кто-то с надрывом произносил пламенную речь. Его плохую дикцию восполняли незаурядная сила и пронзительность голоса. Сергей спросил молодого матроса, стоявшего возле вагона:

– Что случилось?

– Это, товарищ, революционеры-анархисты приветствуют своего вождя.

– Кого, позвольте узнать?

– А ещё интеллигенция... Петра Алексеевича, безусловно.

Сергею был виден лишь возвышавшийся над головами человек в кожанке, махавший в такт словам рукой. Он обращался к кому-то, находящемуся во втором или в третьем вагоне. Речь прерывали одобрителльные крики толпы.

Кто-то, по-видимому, стал произносить из вагона ответное слово. Его не было слышно, лишь временами взрывались дружными возгласами одобрения. Потом ещё кто-то что-то говорил...

Рывкнула толпа, загремели выстрелы, оркестрик рванул «Цыпленка», паровоз истерично свистнул, и поезд тронулся под возгласы «Ура!».

В купе Сергей сообщил:

– То князя какого-то встречали, а теперь вождя анархистов.

– У нас не поезд, – усмехнулся Станислав Викторович, –

а какой-то Ноев ковчег. Собрались и чистые, и нечистые.

– А у нас имение под Екатеринославлем, – невпопад сказала Варвара Фёдоровна. – И дача в Коктебеле. А в Петербурге... ну, который теперь Петроград, нас даже встретить некому.

– Позвольте, я вас провожу, – с энтузиазмом предложил Сергей. – Я не в первый раз в столице. У меня здесь родной дядя.

– Мерси, мерси боку. – Варвара Фёдоровна была довольна.

4

Сергей открыл Новый Завет:

«И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящих из уст Божиих».

Поезд огибал озерцо в оправе берёзок; округлые валуны, похожие на хлебы. То ли туман, то ли жемчужные сумерки белой ночи... В стекле отражалось лицо Полины. Закрыв глаза, она сидела, откинувшись на спинку кресла.

– Я так волнуюсь, – говорила Варвара Фёдоровна Станиславу Викторовичу. – Что там с нашей усадьбой? Мы хотели её продать и переселиться в Москву. Не знаю, что теперь будет. И от мужа давно нет вестей... Там у нас всё наше со-

стояние.

– Насколько мне известно, – отвечал он, – сведения из провинции неутешительные. Многие солдаты бегут с фронта домой, имея оружие. Грабят поместья, это действительно так. Но до убийств как будто дело не доходит. Не следует заранее волноваться и отчаиваться. Как известно, дурные вести быстрее распространяются, чем хорошие... В Петербурге, например, по-прежнему есть вполне пристойные рестораны, и оперетка, и кафешантаны... Между прочим, есть и поэтические вечера, художественные выставки, библиотеки, – добавил он, заметив брезгливую гримасу собеседницы. – Ситуация парадоксальная. Получили долгожданную свободу, а что с ней делать, неизвестно. Одной свободой сыт не будешь.

– Народу нужен порядок, а не свобода, – убеждённо проговорила Варвара Фёдоровна.

– Притча к месту, – повернулся к Сергею Станислав Викторович. – Я имею в виду притчу о хлебах.

– Вы так полагаете? Я как-то не задумался.

– Люди, друг мой, мечтают о чуде. Особенно в такие периоды. Революция, брожение в обществе, жажда всеобщего счастья. Кажется, вот-вот камни превратятся в сытные хлебы. Не тут-то было! Ибо следствием революционного брожения бывает не изобилие, а голод. Чтобы получить хлеб, надо зерно посеять, вырастить урожай, убрать его, смолотить зерно, доставить муку в пекарни, испечь булки, продать... Сложный экономический процесс. Его не заменят никакие

воззвания и мечтания.

– А как же – не хлебом единым?

Станислав Викторович задумался, склонив голову. Ответить он не успел.

– Слово Божие надо помнить и чтить, – назидательно произнесла Варвара Фёдоровна. – Как начинают жить не по Богу, то получается по дьявольскому наущению.

– Пожалуй, – ответил Станислав Викторович.

– Простите, – спокойно и твёрдо сказала Полина. – По моему, человек не должен заботиться только о пропитании. Как сказано у Горького, «человек выше сытости».

– Совершенно с вами согласен, Полина Павловна, – излишне быстро отозвался Сергей.

– У Горького одни босяки, – поморщилась Варвара Фёдоровна. – Нашла кого вспомнить.

– Как там ни крути, а если не сыт человек, то неизвестно, какое коленце выкинет, – сказал Станислав Викторович. – Хотя от избытка сытости скотиной становится. Парадокс! В одном африканском племени, когда жрец жирел, его форменным образом сжирали, пардон. Диалектика.

5

В Петроград прибыли с большим опозданием, в половине третьего. Но площадь перед Финляндским вокзалом была запружена людьми. Ряды войск со знамёнами. Оркестр заиг-

рал «Марсельезу».

– Господи, опять встреча, – чуть не плача пробормотала Варвара Фёдоровна. – Напасть какая-то.

– Министры, едва ли не в полном составе, – пояснил Станислав Викторович. – Какое-то важное официальное лицо встречают.

Офицеры окружили кольцом и провели сквозь бурлящую толпу невысокого старика с крупной лысоватой головой и окладистой белой бородой. Под руку с ним шла женщина средних лет. Навстречу им выступили министры Временного правительства. Прозвучало звонко, на всю вокзальную площадь:

– Князю Кропоткину – ура!

Трижды резко и дружно отозвались солдаты. По толпе прокатилось волнами, словно эхо, нестройное «Ура!».

– Вот оно что! – протянул Сергей.

– Ну, теперь понятно, – отозвался Станислав Викторович. – Он-то, стало быть, и ехал в нашем поезде. Един в трёх лицах.

– Что же теперь будет? – Варвара Фёдоровна была готова заплакать. – Нам же ещё ехать на юг! А тут этот главарь анархистов! Его даже правительство боится. Ишь, как встречают.

– Маман, князь Кропоткин – настоящий революционер, благородный человек. С его приездом в России установится порядок.

– Да, безусловно, анархия – мать порядка. Только вот отца

нет. Безотцовщина! – усмехнулся Станислав Викторович. – Как не было в России порядка, так и не будет. – Заметив, что Полина желает что-то сказать, он ответил раньше, чем услышал возражение: – Пардон, мадемуазель, это моё личное мнение. Не будем спорить.

Сергей подумал о том, как бы ещё встретиться с Полиной. Случайные путевые знакомства пробуждают романтические чувства.

В толпе обозначился круг из офицеров, держащих друг друга под руки. В центре, как бы на арене, министр юстиции Керенский что-то вдохновенно вещал, обращаясь к Кропоткину. Голос его был едва слышен среди шумного шелеста толпы – словно в лесу листва под ветром.

– Какая-то фантазмагория, – сказал Сергей. – Члены правительства, представители власти приветствуют того, кто против любой власти.

– Увы, я вынужден вас покинуть. – Станислав Викторович раскланялся, помолчал и произнёс, загадочно глядя на привокзальную площадь: – От монархии до анархии один шаг. От анархиста до антихриста – не более того. Не это ли пришествие мы наблюдаем? И не обернётся ли анархия новой монархией во главе с антихристом? Справьтесь, Сергей Арсеньевич, с Новым Заветом. И не оставьте на полпути Варвару Фёдоровну и, конечно же, Полину. Могу ли я быть чем-либо полезен?

– Ах, мне теперь не до церемоний. – Варвара Фёдоровна

страдальчески сморщила нос и платком промокнула слезу под левым глазом. – У меня страшная мигрень. Прощайте, благодарю за любезность... Носильщик, неси, голубчик, багаж до ближайшей приличной гостиницы.

– Я с вами, если позволите, – сказал Сергей, у которого был лишь саквояж и баул.

Варвара Фёдоровна кивнула. Полина мельком взглянула на него:

– Если вас не затруднит, будьте так любезны.

– Мне ведь к родственникам слишком рано. Устроюсь пока в гостинице. И первую корреспонденцию напишу. Как журналисту мне весьма повезло.

6

Проспал он не более четырёх часов. Быстро написал заметку, сократил. Переписал начисто. Снова отредактировал. Получилось вроде бы неплохо.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЯТЕЖНОГО КНЯЗЯ

Ваш корреспондент из революционного Петрограда.

Я приехал в том же поезде, что и знаменитый анархист князь Пётр Кропоткин. Мне повезло: воочию наблюдал историческое событие. Но повезло ли России? Вот в чём вопрос.

Наш поезд сильно опоздал. Это символично. Революция в

России тоже свершилась, возможно, с большим опозданием. И что теперь?

Какое Постоянное правительство придёт на смену Временному? Или победит анархия? Не станет ли это финалом государства Российского?

Кропоткина приветствовали все. Толпы народа, несмотря на позднее время. Оркестры. Революционные марши. Пламенные речи.

Поезд остановили анархисты-матросы. Снова оркестр, митинг, приветствия. На Финляндском вокзале – многотысячная толпа. Встречали Кропоткина даже члены правительства. Врага всякой власти! Кому его приезд будет во благо, остаётся лишь гадать. Россия – непредсказуемая страна.

Год назад я был в другой России. Тогда война сплотила все классы. Народ боготворил царя. По крайней мере, так казалось. Газеты пестрели патриотическими лозунгами, статьями, стихами.

Это оказалось иллюзией. Помпезным фасадом. Он рухнул, и открылась неприглядная картина полусгнившего здания. Дырявая крыша, пустые глазницы окон, провалившиеся полы. Как здесь жить?

В России говорят о безумце: «Без царя в голове». Свергли царя, и страна будто лишилась рассудка. Разброд и шатания. Солдаты бегут с фронта, рабочие бастуют, крестьяне бунтуют, мещане митингуют.

Не смею давать политические оценки и прогнозы. Предлагаю аналитикам грызть сухие кости статистических отчётов и политических программ. Ограничусь личными впечатлениями.

О чём свидетельствует триумфальное возвращение мятежного князя Кропоткина? Он потомок Рюриковичей – первой царской династии на Руси.

Во Франции память о нём связана с выступлениями анархистов. Когда его арестовали и судили, прокурор воскликнул: «Да будет проклят день, когда Кропоткин вступил на французскую землю!» Что будут теперь говорить русские?

От анархии до монархии один шаг. Не суждено ли сделать его Кропоткину? Не потому ли его приветствовали представители всех классов и партий? Наполеон Бонапарт тоже начинал как революционер.

Пётр Кропоткин отвергает любую власть. Но пути революций неисповедимы. Как знать, не суждено ли ему занять опустевший трон? Если не с короной и скипетром, то в чёрном плаще анархиста.

Кому-то вопрос покажется нелепым. Напомню закон, открытый современной психологией. Наши мысли – лишь волны на поверхности океана бессознательного. Он глубок и неведом для рассудка. Но именно оттуда, из глубины, всплывают образы и эмоции, определяющие наши поступки. Явные цели могут скрывать потаённые устремления.

Мне кажется, это помогает понять происходящее в Рос-

сии. Возможно, свершается нечто подобное Великой французской революции. К счастью, массового террора ещё нет. Но ведь революции начинаются с восторгов, лозунгов и пения радостных песен. Не слышно, как затачивают лезвие гильотины.

Общественный организм, полагают учёные, руководствуется не рассудком, а эмоциями. И здесь тоже сказывается таинственное действие бессознательных инстинктов. Сейчас в России господствуют именно они.

Чем это завершится? Предлагаю вариант, о котором никто не упоминал. Князь Пётр Кропоткин станет вождём анархистов и монархом всея Руси. Написал бы «анархом», да нет такого понятия. Или России предстоит сказать на весь мир новое слово?

Это было бы похоже на победу мятежника Пугачёва, восставшего при Екатерине II. Но тот был мужиком, выдававшим себя за царя. Этот – просвещённый интеллигент. Не такой ли невероятный царь – в качестве духовного вождя – возможен во взбаламученной невероятной России? И кого ещё можно призвать на царство? Соразмерной кандидатуры нет.

...Жизнь в Петрограде бурлит. Во что это выльется? Поживём – увидим. Несмотря на некоторые повреждения верхней одежды, ваш корреспондент готов и впредь барахтаться в бурных волнах Русской революции.

Две следующие статьи тоже дались без особого труда. Сергей поговорил с несколькими знакомыми журналистами и просмотрел газетные публикации последнего месяца. Понял: ничего понять невозможно. Но на это он и не претендовал.

У него был превосходный советчик: дядя Кирилл Павлович, у которого он останавливался, приезжая в Петербург. Так было и на этот раз.

Семья Кирилла Павловича – жена Ольга Сигизмундовна, дочь Софья и сын, кавалерийский офицер (он воевал на Южном фронте) – располагалась в пятикомнатной квартире на Большой Садовой. Вечером Сергей нанёс им визит. Отец семейства был на службе в Департаменте просвещения. Ольга Сигизмундовна встретила его как родного сына, выразив неудовольствие тем, что он остановился в гостинице. Когда пришёл Кирилл Павлович – крупный, бородатый, шумный – и обнял его, трижды расцеловав, Сергей понял, что будет свиньёй, если откажется от их гостеприимства.

Наиболее интересные сведения и комментарии к происходящим событиям он получил после вечернего чая в кабинете Кирилла Павловича, по словам которого, большевики собираются силой захватить власть. Желают произвести нечто несусветное, переведя буржуазную революцию в соци-

алистическую. Что это такое, никто не ведаёт, но оно может свершиться с непредсказуемыми последствиями.

– Надо отдать им должное, – рассуждал Кирилл Павлович, – определённый резон в этом есть. Российская буржуазия жидковата и алчна. Да и что это за такое явление «буржуазия», известно только её врагам. Вроде бы и я, работник Департамента просвещения, учителя, писатели, радеющие за народ – и есть буржуа? Министры Временного правительства, которые честно исполняют свои обязанности, или офицеры, умирающие на войне, – тоже буржуа?

– Мне кажется, – сказал Сергей, – имеется в виду рантье, ведущие паразитический образ жизни. Помещики, владеющие землёй, но на ней не работающие. Эксплуататоры, наживающие капиталы на махинациях и жестокой эксплуатации наёмных рабочих. В общем, как там у Карла Маркса? Мой отец, признаться, в таких вопросах преуспел более, чем я.

– Да и ты, как вижу, батенька мой, не лыком шит. Есть у нас и такая буржуазия. Устроили пир во время революционной чумы. Превратили наш чинный чиновный Петербург в гнездо разврата, Содом и Гоморру. Бывшая знать бежит за границу, распродают художественные ценности за бесценок. Маклеры, перекупщики богатеют неимоверно, перепродавая их в Англию и Америку. Старинный фарфор и хрусталь, великолепные картины и скульптуры в прямом смысле уплывают из России. Идёт форменное разграбление музеев и дворцов. Вот, извольте, конкретный пример. Во дворце великого

князя Александра Михайловича похищено ювелирных изделий и произведений искусства на сотни тысяч рублей.

– Значит, идёт стихийная национализация? – Вопрос Сергея звучал риторически. – Экспроприация! Приобретённое за счёт народа он возвращает себе.

– Ну нет, не скажи, Серж. Станным образом солдатня ведёт себя много приличней, чем ловкие буржуйчики, мещане, купчишки. Это они, смею тебя уверить, организуют подобные грабежи.

Беседовали, уютно сидя в креслах. Сергей, по обыкновению, порой делал записи. Кирилл Павлович курил трубку и в тёмно-синем халате с золотым вензелем на кармане и таким же кантом напоминал барина-аристократа. Не без труда, благодаря упорной учёбе и отменной службе он получил дворянство. Не помешало даже то, что младший брат (старший Михаил пошёл по стопам отца, став священником) считался государственным преступником.

– Суди сам, какому лозунгу отдадут предпочтение солдаты? Наш, правительственный: «Война до победы!» Или большевиков: «Долой войну, мир народам!» Добавь сюда эсеровское: «Земля – крестьянам!» Скажу по секрету, пользуясь отсутствием дам, на этот счёт определённо, хотя и не вполне прилично выразился футуристический поэт Маяковский:

Вам ли, любящим баб да блюда,

жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре бл***м буду
подавать ананасную воду!

– Сильно сказано и откровенно, – усмехнулся Сергей. –
Неужели опубликовано?

– Прочитано автором гласно два года назад в артистическом подвале «Бродячая собака».

– А вам, я вижу, понравилось.

– В подобных случаях предпочитаю другие критерии. Не «нравится – не нравится», а «правда или ложь». Вот крестьянин-солдат. Его призывают воевать, он рискует стать калекой или трупом. За его спиной осталась семья, живущая впроголодь. В дорогих ресторанах развлекаются миллионщики, не знающие, куда и как потратить бешеные деньги. На бедствии народном наживаются местечковые инородцы и свои буржуи... Я в данном случае употребляю это слово избирательно – прилагаю к тем, кто не занят ни физическим, ни умственным трудом, ни организационной деятельностью... Всё это далеко не секрет ни для кого, включая офицеров и генералов. Положим, многие смиряются с этим как с неизбежным злом. Тем не менее, по всей вероятности, у них такое смирение бередит душу, вносит сомнения в справедливости нашего общественного уклада. Убийство Распутина показало, что политикой царя недовольны влиятельные лица из его окружения. Именно по их желанию или

попущению было свергнуто самодержавие. Или, как бы сказать, оно само себя свергло отречением от престола и царя, и его брата. К этому приложили свою руку влиятельные генералы из так называемых демократов. Обратите внимание, как быстро взлетели по карьерной лестнице Корнилов, Деникин, Колчак. Они поднялись на гребне буржуазной революции. Возможно, кому-то из них помнится, как свершилось в сходной ситуации возвышение Наполеона Бонапарта. Он тоже сначала был революционным генералом.

– Вот и я наемни его вспомнил... Одно время мне нравилось сравнение политики с игрой в шахматы. Но потом понял: глупость! Реально есть много игроков со своими фигурами, интересами, ставками. Попытался понять, какой расклад партий в России. Чёрт ногу сломит! Монархисты, анархисты, социалисты, демократы и революционеры, конституционные демократы, октябристы, а ещё фракции, национальные группы... Тянут в разные стороны... Как бы не разорвали страну на клочки.

– Э-э, батенька мой, от этой политической грызни только рычанье, визг, слюна и пена. Вопрос в том, кто возьмёт власть.

– А сейчас разве нет власти?

– Временная. Наша задача – сохранить страну от распада. Не более того. Учредительное собрание должно определить будущий строй.

– Что тут определять? Самодержавие рухнуло само... из-

вини за невольный каламбур. Значит, конституционная демократия. Разве не так сейчас? Или, как ещё говорят и пишут, социализм.

– Говорить и писать никому теперь не возбраняется. На то, к сожалению, свобода слова. Потрясла империю анархия, а вынудили царя отречься кадеты и масоны. Хотят превратить Россию в демократию на манер Западной Европы. Одну голову двуглавному орлу отсекли, желая, чтобы он походил то ли на французского петуха, то ли на американского орлана. Но я полагаю, многим более всего нравится британский лев. Только можно ли перекроить византийского двуглавого орла или русского медведя во льва? Операция обречена на летальный исход.

– Сейчас много пишут о популярности эсеров и большевиков. Их лозунги находят отзвук в народных массах, не так ли?

– В борьбе лозунгов они определённо побеждают. Что будет при открытом противоборстве, не берусь решать. Они собираются устроить грандиозную демонстрацию и, судя по некоторым сведениям, попытаются взять власть в свои руки. Не рекомендую вам в это время выходить на улицу. Правительство расценивает эту акцию как попытку государственного переворота. Готовятся контрмеры. Очень серьёзные.

Кирилл Павлович посоветовал Сергею присматриваться к публикациям в газете «Новое время», где печатает свои острые и умные заметки Обыватель. Под этим псевдонимом, по сведениям Кирилла Павловича, выступает писатель и философ Василий Васильевич Розанов.

Благодаря этому совету, а также беседам с дядей Сергей написал две статьи, в некоторой степени аналитические.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛИЗМА

Приехав в страну, где свершилась революция, не следует полагаться на свои впечатления. Много не заметишь, а увиденное не поймёшь.

Ваш корреспондент первым делом ознакомился с новой российской прессой. Разнообразие мнений чрезвычайное: от восторга до уныния и горьких стенаний. Анархия мысли. Таково следствие отсутствия твёрдой власти.

Нет всеобщего ликования и единения в связи со свержением царского режима. Оно произошло фактически бескровно. Самая мирная из всех революций! Получили демократию прямо из царских рук. Как распорядиться этим поистине царским подарком? Вот в чём вопрос.

Начинается брожение умов. Или растерянность? Трудно сказать. Как будто произошло то, чего никто не ожидал.

Хотя именно этого добивались многие.

Одно из объяснений дал в газете «Новое время» публицист под псевдонимом Обыватель: «Социализм, который вчера был мечтою и, как мечта, “не имел длины, ширины и толщины”, а только вился синею струйкой к небу, – теперь, с февраля и марта этого года, сел на землю, получил очертания, и всякий может его рассмотреть конкретно. Удивительно, что он не производит того же впечатления, став осязательным».

В Западной Европе или в Штатах Северной Америки такая ситуация вряд ли вызвала бы удивление. Каждый прагматик понимает: смена правительства ничего в сущности не решит. Требуется государственное строительство. Продуманная, упорная деятельность.

Русский человек, судя по всему, романтик и мечтатель. Или даже анархист. Его вполне удовлетворяет безвластие, свобода. Хотя, как известно, сама по себе свобода не даст ни крова, ни хлеба.

Публицист Обыватель изумлён лёгкостью падения трёхсотлетнего царства династии Романовых. Он сравнивает это с падением дуба, корни которого подточены мышью и теперь выворочены кверху:

«Эта мышка, грызшая нашу монархию, изгрызшая весь смысл её – была бюрократия... чиновничество. Которое ничего не умело делать и всем мешало делать... Тухлятина.

Протухла. И увлекла в падение своё и монархию...

А всё началось уличными мелочами. Но, поистине, в столице всё важно. Столица – мозг страны, её сердце и душа. “Если тут маленькая закупорка сосуда – весь организм может погибнуть”. Можно сказать, безопаснее восстание всего Кавказа... Бунтовала Польша – монархия даже не шелохнулась. Но вдруг стало недоставать хлеба в Петрограде, образовались “хвосты около хлебных лавок”. И из “хвостов” первоначально и первообразно – полетел весь образ правления к черту. С министерствами, министрами, с главнокомандующими, с самим царём – всё полетело прахом. И полетело так легко-легко».

Это не было полётом. Это было падением. Перезревший подгнивший плод падает сам. Его нет надобности срывать.

Обыватель путает повод к революционным демонстрациям (хлебные очереди, «хвосты») с причинами. Сам же признал главной причиной прогнивший государственный аппарат империи. А это – ствол, опора государства. Когда ствол трухляв, дерево обречено.

Завершает Обыватель так: «Собственно, за XIX век, со времён декабристов, Россия была вся революционна, литература была только революционна. Русские были самые чистые социалисты-энтузиасты. И конечно, падала монархия весь этот век, и только в феврале это кончилось.

И странная мысль с этим концом у меня сплетается. Что, в сущности, кончается и социализм в России. Он был преддверием мести, он был результатом мести, он был ору-

днем мести. Но, всё свершив, что нужно, — он сейчас или завтра уже начнёт умирать. Умирать столь же неодолимо, как доселе неодолимо рос. И Россия действительно вошла в совершенно новый цвет. Не бойтесь и не страшитесь, други, сегодняшнего дня».

Вот такое мрачное пророчество. Мол, всё страшное впереди.

Прав ли Обыватель? Какой цвет победит в России? Чёрный цвет флагов анархистов, красный — большевиков или трёхцветие французской буржуазной революции?

Судя по всему, многие граждане полагали, будто за свержением царизма тут же сам собой установится социализм. Однако мгновенные перерождения свершаются только в сказках.

Русские люди чрезмерно увлекаются сказками.

Временное правительство почти не контролирует ситуацию. Много определяет позиция Центрального исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В журналистской среде поговаривают, что и в правительстве, и в Совете главную роль играют масоны. Так ли это, проверить невозможно.

Происходящее в столице похоже на анархию. Аналогичное положение на фронте. Сообщения из провинции не внушают оптимизма. Чем всё это кончится, предсказать невозможно.

На улицах Петрограда обилие праздно шатающихся или

митингующих солдат и матросов. Своим поведением они демонстрируют желание лезть в столицу, а не сражаться на фронте или работать.

РОССИЯ И СОЮЗНИКИ

Полагаю, французскому читателю интересно знать о том, как здесь относятся к союзническим обязательствам и к войне с Германией.

В начале этого года газеты пестрели сводками о боевых действиях доблестных российских войск и патриотическими призывами. Теперь – иное. Тревожные, порой трагические сообщения о развале армии, отказе многих частей сражаться, избиении или даже убийствах солдатами офицеров.

Во Франции можно слышать горькие для русского слуха слова: мы – миролюбивая нация и не хотели войны. Она нам была навязана Россией. Нам пришлось вступить в войну с Германией из верности нашим обязательствам к союзной России. Ради них мы пожертвовали жизнью многих молодых граждан, значительной долей национальных богатств. А теперь русские бросают нас на произвол судьбы, начинают брататься с нашим общим врагом. Предательство!

Я постарался переадресовать эти вопросы отдельным солдатам, офицерам, штатским лицам, встреченным на улицах Петрограда. Спрашивал граждан, причастных к политике. Не претендуя на какие-либо научно обоснованные

выводы, поделюсь с читателями первыми впечатлениями от услышанного.

Вопрос о союзнических обязательствах России воспринимается здесь болезненно фактически всеми. Даже у так называемых оборонцев, готовых продолжать войну, можно заметить какую-то стыдливость или неуверенность. Люди сознают, что происходит нечто нехорошее или даже постыдное, но не знают, как с этим бороться, что предпринять.

Я им говорю: во Франции удивлены безволием Временного правительства. Оно идёт на поводу у социалистов. Но они составляют, так же как во Франции, ничтожную часть нации. Как можно доверять стране, в которой нет сильной и ответственной власти? Вот в чём вопрос.

Никакого вразумительного ответа я не получил.

Нет никаких сомнений, что Временное правительство стремится придерживаться курса, заявленного ещё в марте: «свято хранить связывающие нас с другими державами союзы». Слова, слова...

Петроградский Совет в манифесте «К народам всего мира» тоже высказался вполне определённо: «Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой».

Один осведомлённый господин, имя которого ничего не скажет нашему читателю, сообщил мне следующее. Все партии были согласны с позицией Временного правитель-

ства и Петроградского Совета. Ситуация резко изменилась после приезда в апреле в Петербург из эмиграции лидера большевиков Ульянова-Ленина. Он провозгласил: «Никакой уступки революционному оборончеству!»

Его партия поставила узкие классовые интересы пролетариата и беднейшего крестьянства выше общенациональных интересов русского народа. И не только классовые интересы защищаются таким образом. Для Германии позиция Ленина тоже весьма полезна.

У меня возникло недоумение. Неужели лидер одной из фракций социал-демократической партии более авторитетен, чем Правительство, Совет и все другие партии?!

Собеседник ответил: «Авторитет Ленина не распространяется дальше его сообщников. Однако у них имеется немало денег, полученных, как говорят, от немецкого Генштаба. На них они ведут активную пропаганду среди солдат и печатают разные прокламации».

Я возразил: агитацию ведут и их многочисленные противники. Мне довелось видеть демонстрацию с лозунгами доверия Временному правительству и призывами «Долой Ленина!» Об этом же пишут газеты, призывающие к решительным действиям против этого, как они называют, германского агента, вернувшегося в Россию со своими сообщниками в plombированном вагоне.

«Парадоксальным образом, – ответил мой собеседник, – чем чаще и громче кричат “Долой Ленина!”, тем быстрее

растёт его популярность. Это подобно славе Герострата, о котором помнили только потому, что его постоянно проклинали».

Поначалу я был удовлетворён его объяснением. Но уже ночью, мучимый бессонницей, испытал сомнения. Разве солдаты бегут с фронта по наущению большевистских агитаторов? Ведь сам же мой собеседник сказал, что до апрельского явления Ульянова-Ленина в Петрограде большевики были оборонцами. А фронт уже тогда лопался по всем швам.

А что если вождь большевиков как умелый демагог провозглашает то, что желают слышать массы матросов, солдат и так называемых пролетариев? Это возносит его на гребень революционной волны. Тем более что ныне в стране преобладает анархия.

Как поведёт себя в этой ситуации лидер анархистов Кропоткин? В свои преклонные годы он, как утверждают очевидцы, энергичен и полон сил – физических и духовных.

Если он настроен патриотически, то должен поддержать позицию нынешней власти, политику государства. Его сторонники сочтут это изменой принципам анархии. Если он желает приобрести популярность в революционных массах, то должен выступить примерно с теми же лозунгами, что и Ленин, имея больше него шансов на успех.

Впрочем, последнее слово будет конечно же за так называемым народом.

Почему «так называемым»? Потому что реальную политическую силу представляют не крестьянство, составляющее 80 % населения страны, не активисты политических партий. Реальная власть в руках 10 миллионов солдат и матросов и примерно такого же количества малоквалифицированных рабочих, безработных и т. п.

То, что увидел я в Петербурге и успел узнать из газет и отдельных разговоров, убеждает: в стране нарастает безвластие. Приведёт ли это к триумфу анархиста князя Кропоткина? Или на авансцену выйдет проклинаемый одними и восхваляемый другими Ульянов-Ленин со своими воинственными большевиками, выступающими против войны с Германией? Или возможен иной вариант?

Поживём – увидим.

Глава II. Смутное время

1

По Невскому проспекту, дребезжа и оставляя дымный след, проехал грузовик с матросами. Два красных флага. На одном: «Вся власть Советам!», на другом – в центре узорно перекрещивались два якоря, а по краям загадочные буквы: «Ц. К.Б.Ф.»

Сергей научился разгадывать аббревиатуры: «Центральный комитет Балтийского флота». Горожане вроде бы уже привыкли к подобным ребусам. «Рос. С.Д.Р.П.», «КД», «С.Р.», «С.Р.С.Д.» (оказывается – Совет рабочих и солдатских депутатов). Новый русский язык.

Ещё один грузовик весело крякнул клаксоном. Через весь кузов на парусе красным: «Социалистический блок». В кузове смеются барышни в окружении офицеров, солдат, матросов.

Прогрохотал большой серый грузовик, увенчанный флагом: золотом по кумачу – «Р.С.Д.Р.П.». В кузове торжественно стоят солдаты, матросы, молодые люди в кепках.

Странная картина. Город не на осадном положении, нет вооружённых столкновений, но много вооружённых людей.

Словно на улицах и площадях разворачивается театральное представление.

Вдоль тротуаров проходили группы солдат и матросов. Мелькали фуражки гимназистов и офицеров. Женщины в платках, барышни в шляпках. А это что, зрители или участники всестоличного действия?

Для Сергея были не в диковинку рекламные уличные акции разных партий. Но то был Париж, и людей в машинах было мало, и люди были другие. А здесь – почти сплошь солдаты, матросы, рабочие. Словно готовятся не к выборам, а к схватке за власть.

Прошла организованная толпа; впереди солдат в гимнастёрке, с пышными усами и небольшой бородой, чем-то напоминающий молодого Николая II. Рядом с ним штатский в тёмной косоворотке, серой куртке и в такой же шляпе, возможно, мастер. Над головами – транспарант: «Да здравствует Интернационал». Внизу крупно: «Петроградский оружейный завод».

Рисунок безыскусный: на земном шаре с двух сторон движутся навстречу друг другу толпы под знамёнами. Как столкновение «стенка на стенку». В центре, как водится, на фоне огромное солнце и его лучи.

Сергея уже стали раздражать назойливые лучистые светила. Они словно заклинание: взойди, солнце свободы! Ну, предположим, оно взошло. А что дальше? Не пора ли делом заняться? Рабочим – работать, солдатам и матросам – роди-

ну защищать.

Подобные картины наблюдал Сергей не из профессионального любопытства, а из-за вынужденного ожидания. Он стоял перед книжной лавкой с тремя белыми розами в руке. Прошло уже полчаса от назначенного срока свидания с Полиной.

В книжную лавку он пришёл заранее и спросил книгу Кропоткина «Вокруг одной жизни». Молоденький продавец с жиденькими каштановыми усами и бородкой, подумав, ответил, что такого сочинения князя Кропоткина они не имеют, хотя есть семь книг собраний его сочинений издательства «Время» – целиком и порознь.

Молодой человек отлучился на минутку и, вернувшись, пояснил: «Это сочинение на русском языке имеет заглавие “Записки революционера”. Будьте любезны, взгляните». Это был первый том собрания сочинений П. Кропоткина в переводе с английского, 1906 год. «Единственное издание, разрешённое для России автором, пересмотренное и дополненное им». Выходит, не так уж свирепствовала царская цензура.

– Ба, Сергей Арсеньевич, сердечно рад видеть вас! – К нему подошёл Станислав Викторович. Кивнул на розы: – Вот вы как тут у нас в парижской манере корреспондируете...

– Что вы, это я так... Для Полины Павловны, вы её знаете... Мы условились встретиться...

– Не смею мешать. Адью... – И он зашёл в книжную лавку. Из-за угла завернула двуколка на мягких шинах и резко

остановилась возле Сергея. Конь фыркал и бил копытом по булыжной мостовой. Голос Полины:

– Сергей Арсеньевич, простите бога ради... Маман задержалась, неприятные известия...

– Повинюсь, виновата. – Варвара Фёдоровна кивнула в ответ на его приветствие. Она явно была не в настроении; вздохнула: – Ах, просто беда. Я это чувствовала.

– Если вы свободны вечером... Спасибо... – сказала Полина, принимая от Сергея цветы, – то встретимся в семь, в «Привале комедиантов», что на Марсовом поле. Согласны?

– Непременно буду.

Двуколка укатила.

2

Сергей задержался у лавки, дожидаясь Станислава Викторовича. Надо воспользоваться встречей. Тот вышел со стопкой книг, перевязанной шпагатом. Отметив отсутствие у молодого человека цветов, хмыкнул:

– Ещё одно свидание? Да вы просто Дон Жуан Питерский... Впрочем, теперь это принято. Правда, не столько с помощью преподношения цветов, а за некоторую мзду. Так сказать, капиталистические отношения купли-продажи.

– Сейчас я вас дожидался.

– Надеетесь выведать нечто сенсационное? Но я, вы уж не обессудьте, в отличие от журналистов, мало интересуюсь

сенсациями.

– Если позволите, я вам задам несколько вопросов... Впрочем, меня сейчас заинтересовало нечто личное. Не странно ли в такое смутное время интересоваться даже не газетами, а книгами. Простите, вы библиофил?

– По случаю. Нынче книги не в моде. Здешний хозяин решил закрыть своё дело, распродаёт за бесценок... Кстати, вы знаете «Психологию социализма» Густава Лебона? Очень рекомендую. Вот отыскал и решил проштудировать основательно. Русский перевод. Прежде просматривал французское издание, но мне ближе немецкий, английский языки. Лучшие экономические школы...

– Конечно же, меня интересует психология не только личности, но и общества, Левиафана, как выражался Гоббс. Замечательное совпадение: эту книгу мне вручил отец перед отъездом. Сказал, так лучше пойму суть революции. Да только читать недосуг.

– Так чем же я могу быть вам полезен? Однако у меня дефицит времени. Всего час. Загляну домой – тут недалеко, на Литейной, – и на очередное заседание... Можем продолжить беседу на ходу, если не возражаете... У нас всяческие художественные объединения плодятся, пардон, как тараканы. За полгода – более сотни. Парадокс: экономика в упадке, а культурная жизнь бурлит. Демократия! Всем надобно уделить внимание, вот и заседаем. Представьте себе, требуют заказов и поощрений от государственных организаций.

Мол, искусство должно принадлежать народу, нам не нужны подачки из рук богачей, это унижает достоинство мастера. Говорят, что владельцы частных коллекций распродают художественные ценности и те уходят за рубеж. Предлагают запретить вывоз национальных богатств. Возможно, они правы. Я не принадлежу к вольным художникам, им видней. Но откуда у нынешнего правительства средства? И как запретить частным лицам продавать свою собственность, если у нас демократия и свобода? Впрочем, выступил Александр Бенуа...

Они шли не спеша. Сергей достал блокнот, вынул из внутреннего кармана карандаш и начал делать записи. Станислав Викторович остановился.

– Не беспокойтесь, – сказал Сергей, – я приноровился на ходу. Профессия обязывает.

– Помните, как у Мишеля Монтеня: все торопятся, даже едят на ходу; скоро, возможно, будут испражняться на бегу... М-да, каковы времена, таковы и нравы... – Он продолжил движение. – Итак, Александр Бенуа высказался в том смысле, что если запретить продажу и вывоз художественных произведений за рубеж, то будет ещё хуже. Владельцы частных коллекций начнут уничтожать предметы искусства.

– Это же варварство! – не удержался Сергей.

– Это, друг мой, революционные нравы. Свобода – штука парадоксальная. Всё дозволено! А ничего толком сделать нельзя. Кому более других выгодна свобода? Преступ-

никам, – уголовным, политическим и экономическим; а ещё демагогам и жуликам. Что и происходит ныне. В считанные недели сколачивают миллионные состояния... М-да...

Он произнес это вроде бы с некоторой печалью. Продолжил:

– И в то же время появились какие-то фантастические объединения. Например, «Общество пролетарских искусств». Как изволите понимать? Я знаю изящные искусства, изобразительные, монументальные, в конце концов, парикмахерское... А это ещё что за монстр? Химера! Уродливый гибрид политики с культурой.

– Но ведь и ваша профессия, – возразил Сергей, – тоже в некотором роде химерическая: политэкономия.

– Безусловно. Однако разница принципиальная. В современном обществе экономика определяет политику, и наоборот. Но как может быть искусство пролетарским или буржуазным? Вы видели объявление? Лекция называется: «Пролетарское и буржуазное искусство». Почему бы тогда не выдумать дворянское или крестьянское искусство? По какому разряду извольте отнести Пушкина? Буржуазно-дворянскому? А Ломоносова? К пролетарско-крестьянскому? Полнейшая ахиня. Заворот мозговых извилин.

– И что вам ответили на это?

– Ничего не ответили по простой причине: я промолчал. Коли есть свобода говорить, то и свободу молчать никто не отменял... Так можете и записать. Зачем говорить без тол-

ку, если тебя не будут слушать? Там заправляют социал-демократы. Народец буйный. Дразнить гусей – не моя профессия. Знаете, кто теперь ведёт культурно-просветительскую работу в городе? Товарищ городского головы Луначарский. Его не переговоришь и не переубедишь. Скажу вам по маленькому секрету, что если кто-то и схватит власть силой, то это большевики. Их главарь Ульянов-Ленин так и выложил недавно: «Есть такая партия». Дальше, как говорится, ехать некуда...

– Легальных партий сейчас в России столько, что его заявление выглядит комично. Каждый может претендовать на власть, но кто её даст?

– Когда небольшая партия стремится захватить власть, это чревато гражданской войной.

– Это ваш прогноз?

– Предположение... Кстати, мы уже пришли... Соизволите зайти в гости? – официальным голосом спросил Станислав Викторович, вряд ли желая получить положительный ответ.

Естественно, Сергей с благодарностью отказался.

3

Сергей ежедневно просматривал газеты разных направлений, вырезая наиболее интересные материалы, порой мелкие заметки. Вырезки складывал в папку.

Одна тема возникла неожиданно по мере знакомства с журналом, далёким от политики и так называемой злобы дня. Он резонно рассудил, что его впечатления будут интересны для парижан.

Культура и революция

Не беспокойтесь, дорогой читатель, я не собираюсь рассуждать на эту модную тему. У меня в руках небольшой по объёму, но весьма глубокий по содержанию апрельский номер журнала «Природа».

Продолжается война, свершилась революция, в столице больше анархии, чем порядка. Бурление толп, сумятица в головах. Такое время называют смутным.

А я открываю журнал и попадаю в интеллектуальный оазис. Нет политической злобы дня, иссушающей мозги и души.

Позвольте, я введу и вас в этот удивительный для революционной России мир. Одна из статей посвящена... туннелю под Ла-Маншем! Другая: «Древний Багдад и его ирригационная система».

Хочется воскликнуть: господа, русская интеллигенция жива! Текущие события пройдут, как мимолётные волны. Останется культура. Вот о чём свидетельствует этот скромный журнал.

Отчасти политическая заметка Н.К. (осмелюсь предпо-

ложить – известного генетика Н. Кольцова, одного из редакторов журнала) посвящена генеалогии дома Романовых. «Начиная с Павла I, – пишет он, – все цари принадлежали юридически к дому Гольштейн-Готторп, и лишь из-за династических соображений к этому двойному имени прибавляется третье – “Романовы”. Из 8 генеалогических прадедов Павла только один – Пётр I был русского происхождения, остальные германцы».

Выходит, свергли в России немецкую династию? Вот как получается. У бывшего царя Николая II всего лишь 1/128 доля русской крови. Автор заметки присоединяется к мнению о том, что отцом Павла I был не муж императрицы Екатерины II, а русский дворянин Сергей Салтыков. Поэтому в дальнейшем цари обнаруживали физические признаки славянского типа.

На мой взгляд, не следует придавать серьёзного значения той или иной доле русской крови у царей России. Не в этом дело. Российская аристократия образует особую касту. Наследие феодализма. Пропасть отделяет её от так называемого простого народа. Они существуют в разных мирах.

Сейчас в России, как некогда у нас во Франции, порушены сословные перегородки. Не от того ли угрожающе зашатались все опоры государства?

Нет, я не собираюсь вдаваться в политику. Друзья читатели, на этот раз я призываю вас подумать о вечном!

Да, именно на это навела меня статья профессора Сорбонны Виктора Анри «Энергетика жизни». Да простят читатели мне моё невежество, в Париже я ничего о нём не слышал. Тем более неожиданно прозвучали его слова здесь, в революционной России.

«С мировой точки зрения, – пишет Анри, – жизнь есть не что иное, как постоянное задержание и накопление химической и лучистой энергии, замедляющее превращение полезной энергии в теплоту и препятствующее рассеиванию последней в мировом пространстве».

Он делает вывод: «Присутствие живых организмов на земле удлинняет продолжительность существования мира. Если бы не было живых организмов, деградация энергии происходила бы быстрее, земля скорее бы охлаждалась и мир скорее бы приближался к состоянию окончательного равновесия».

Оказывается, все мы, живущие, участвуем в космическом процессе!

Автор приходит, как он выражается, к универсальному оптимизму: «Существующий мир – лучший из всех возможных». Он формулирует цель нашей жизни: «постоянной сознательной работой создавать везде и во всём такие условия жизни, которые содействовали бы максимальной утилизации энергии».

Звучит замечательно! Но у меня возникают сомнения. Так ли всё просто и ясно? Или учёные, эти аристократы

мысли, живут в каком-то ином, чем мы, простые смертные, мире?

Да простится мне дерзкое заявление, но, честное слово, я мог бы придумать мир хоть немножко, но всё-таки лучше, чем нынешний. Продолжается кровопролитная война. Она уничтожает жизнь. Неужели ничего лучшего нельзя придумать?

А что происходит в России? Она погружается в хаос. Так может быть, люди пошли наперекор космическому процессу? Вот в чём вопрос.

Странные мысли приходят в голову, когда от умных текстов научного журнала «Природа» переведёшь взгляд на неприглядную реальность.

И всё-таки есть основания для оптимизма: существуют люди, способные сохранять ясность ума в нашем безумном мире. Быть может, им принадлежит будущее? Хочется в это верить.

Революционные бури проходят, и раздвигаются мрачные тучи, и появляется ясное небо вечности.

4

Сергей не собирался всю свою жизнь посвятить газетной суете, погоне за мимолётностями. Хотя ему нравились слова Бальмонта:

Я не знаю мудрости, годной для других.
Только мимолётности я влагаю в стих.

Лёгкие впечатления бытия ложатся в стихотворные формы. Но если произведение удалось, оно остаётся на долгие годы. А газетная статья, будь она самая замечательная, быстро отомрёт, как яркий эфемерный цветок.

Сергей относился к жизни серьёзно. Иначе говоря, стремился жить осмысленно. Его влекло творчество. В музыке и живописи он был чутким потребителем, не имея творческого таланта. Возможно, сказалось влияние родителей. Мать светское искусство считала едва ли не рассадником греха. Отец признавал лишь идейные произведения с социальным подтекстом.

Сергей мечтал стать писателем из категории учителей человечества. Работая репортёром, в то же время читал научную литературу, преимущественно по истории, психологии, социологии.

У него возникла мысль написать историю русской революции в событиях и образах. Волею судеб, как некогда говорили, центральным образом русской революции 1917 года он избрал Петра Кропоткина. Не привыкнув откладывать дела в дальний ящик (навык журналиста), завёл папку, а на обложке вывел заглавие, украсив его виньеткой:

«Жизнь и приключения князя Петра Кропоткина».

Об этом человеке он немало был наслышан от отца, читал

в газетах, с интересом познакомился с его мемуарами «Вокруг одной жизни». Отец, Арсений Павлович, когда-то лично знавший Кропоткина, отзывался о нём не без иронии:

– Обрати внимание, Серж, Пётр Алексеевич вспоминает о многих выдающихся людях. Не говорю о политиках или Александре II. Но Гюго, Спенсер, Тургенев, Лев Толстой... Десятки достойных людей – и все, как гласит заглавие, вращаются вокруг одного автора. Сам того не желая, Пётр Алексеевич раскрыл потаённые глубины своей личности. Знаешь, как у конспираторов? Двойное дно. Сверху наиболее приличные вещи. В глубине, ниже первого дна, нечто запретное.

– А разве не так у каждого из нас? Это естественно. Не выворачивать же душу наизнанку при всех.

– Э-э, не столь просто, сынок. Будь он писатель, не было бы к нему претензий. Писатель обязан быть обращённым к читателю, как Луна к Земле, только светлой стороной. Хотя Достоевский всколыхнул всю муть, всю нечисть со дна своей души и то же самое вызывает у читателя. Не случайно он стал махровым реакционером...

(Арсений Павлович резко отзывался о Достоевском. В этой неприязни они с супругой были едины. Сергей к этому привык и, не разделяя их мнения, в спор не ввязывался из убеждения в бесполезности дискуссий, затрагивающих эмоции, убеждения, вкусы. В результате рождается не истина, а взаимная неприязнь.)

– ...Князь Кропоткин не так прост. Сам посуди, кто ста-

новился народником? Почти исключительно деклассированные элементы. Им не было достойного места в системе феодальной крепостнической России. Так называемые разночинцы. Как я, к примеру, из семьи небогатого священника. Были из мелкопоместных дворян, наконец... А он – Рюрикович, князь. Сын крупного помещика. Бывший камер-паж Александра II. Лицо, приближённое к императору. Чего ему не хватало? Зачем ему, знатному и богатому, заботы о народе? А если он – один из великих авантюристов? Такой из революционера в благоприятный момент станет диктатором. Подобно Наполеону Бонапарту. Почему Пётр Алексеевич стал путешественником, географом? Проводил военную разведку в Маньчжурии? Авантюризм, стремление к славе первооткрывателя. Он может убеждать себя в самых возвышенных и благородных устремлениях, но в каждой душе есть область бессознательного, и там, как справедливо говорит на своих лекциях Зигмунд Фрейд, скрыты от нас самих тёмные инстинкты. У Достоевского был такой человек из подполья. Подполье есть у каждого, и в нём полным-полно всяческой нечисти.

– Отец, я не вполне доверяю этим выдумкам Фрейда.

– Это не выдумки, а научный психоанализ.

– Мне кажется, психология не вполне наука. Каждый человек неповторим, правильно? А наука имеет дело с явлениями объективными. И мне не нравится, что там, в подвале бессознательного, у меня, у тебя, у всех копошатся какие-то

мерзкие гады... Определённо не нравится.

– Прости, Серж, но нравится или не нравится, это похоже на детские капризы. Ты умеешь рассуждать, но жизненный опыт у тебя невелик. Мне довелось пережить предательство близких друзей. И не раз. Человек сам не знает, как будет вести себя в необычных ситуациях. Это не трусость, а что-то другое. Как будто в тебе возникает другая личность и овладевает тобой. Так ведёт себя сильно захмелевший человек. Он уже не принадлежит себе.

– Возможно, ты прав. Мне это как-то не приходило в голову.

– Не исключено, что и я в чём-то не прав. Надо проверять и перепроверять, сомневаться и расследовать. Ведь с Азефом, например, до сих пор окончательно ничего не известно: был он двойным или тройным агентом, предателем или пламенным революционером. Вот и подумай: так ли просто всё с нашим князем-анархистом. У нас говорят: из грязи – в князи. А здесь нечто нелепое: из князя – в грязи, в низы общества, да ещё по своей воле. Зачем? Явная причина – борьба за свободу. А тайная? Какая тайная причина? Вот в чём вопрос.

Эти мысли отца показались Сергею занятыми и продуктивными для серьёзного художественного произведения. Психологический роман о революционере с двойным дном.

Один пример такого рода уже был: Евно Азеф, террорист эсер и одновременно тайный агент царской охраны. Он

оставался между двух огней и оба огня раздувал, но гибли в огне другие люди, а он жил в своё удовольствие. Но это – двойной предатель, вне совести и благородства. Человек с двойным дном, подобно чемодану конспираторов. А на дне его души – грязные помыслы.

Кропоткин – иной. Он никого никогда не предаст. Он честен и благороден. Пожалуй, похож на князя Ставрогина из «Бесов» – личность по сути своей замечательную, возвышенную. Но в бессознательном стремлении души к духовному господству над всеми людьми Пётр Алексеевич стал по воле сознания врагом всякой существующей власти.

Возникает образ Антихриста (а Кропоткин-то атеист убеждённый!). Он соблазняет людей прекрасными словами, картинами счастливого будущего, высокими идеями, но – вне Христа. Ведёт к страданиям, междоусобной борьбе и страшной гибели других, возносясь над людской массой в образе пророка, а то и богочеловека. Однако такого возвышения сам князь может не осознавать и даже вроде бы не желать.

Удивительны гениальные прозрения Достоевского! Не удалось ли ему предвидеть явление Кропоткина? Разве не о князе-анархисте вещал в «Бесах» низменный революционер-террорист Пётр Верховенский:

«Знаете ли, что вы красавец! В вас всего дороже то, что вы иногда про это не знаете. О, я вас изучил! Я на вас часто сбоку, из угла гляжу! В вас даже есть простодушие и наивность,

знаете ли вы это? Ещё есть, есть! Вы, должно быть, страдаете, и страдаете искренно, от того простодушия. Я люблю красоту. Я нигилист, но люблю красоту. Разве нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну а я люблю идола! Вы мой идол! Вы никого не оскорбляете, и вас все ненавидят; вы смотрите всем ровней, и вас все боятся, это хорошо. К вам никто не подойдёт вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идёт в демократию, обаятелен! Вам ничего не значит пожертвовать жизнью, и свою и чужою. Вы именно таков, какого надо. Мне именно такого надо, как вы. Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...»

По мысли Верховенского, через террор, бунты, поджоги, разрушения установится смутное время в России. Тогда и потребуется новый вождь – Иван-царевич, в образе которого предстанет князь Ставрогин.

Не суждено ли князю Петру Кропоткину стать таким Иваном-царевичем... Нет, Петром Четвёртым... Кто, как не он, в наибольшей степени уместен в этой роли? Вот когда сбудется пророчество Достоевского!

...После того разговора с отцом Сергей внимательно просмотрел французское издание мемуаров Кропоткина, обращая внимание на сделанные отцом скептические пометки на полях, вопросительные и восклицательные знаки.

Новое прочтение – глазами отца, с позиций его точки зрения – раскрыло по-новому содержание. Задумав психоло-

гический роман, Сергей понял, что ему недостаёт внутренних конфликтов главного героя. Рыцарь без страха и упрёка? Они бывают только в эпических сочинениях, не говоря уже о Дон Кихоте Сервантеса.

5

На этот раз Полина пришла вовремя, но, к огорчению Сергея, не одна. С ней был статный молодой человек с тёмными, загнутыми вверх усиками, придававшими ему лихой вид.

– Мой кузен Александр, – представила его Сергею Полина, смущаясь.

Ладонь Александра была тонкая, холодная, твёрдая; взгляд с прищуром, улыбка ироничная.

На сцене скрипка и фортепиано выплакивали цыганскую тоску.

– Я уже немало слышал о вас, – сказал Александр. – И какую же неправду о России ждут от вас французы? Как вам удаётся ориентироваться в нашем хаосе?

– Признаться, не такой я ожидал увидеть революцию.

– Всё ещё впереди. Мне так кажется.

– А у меня на душе тревожно, – сказала Полина. – До сих пор я жила с какими-то радостными надеждами. Помните, как в детстве перед Рождеством, или Пасхой, или днем ангела, или вообще просто так. Веришь – настанет новый день,

будет солнце, придут гости, праздник, сюрпризы... А теперь... Я впервые не вижу впереди ничего хорошего... Я опасаюсь будущего.

– Офелия, иди в монастырь, – подчёркнуто театрально произнёс кузен.

– Что-то случилось? – спросил Сергей.

– Да так... – ответил Александр. – Не для печати. Сугубо семейные обстоятельства.

– Мне очень жаль, Сергей Арсеньевич, но мне... нам с мамой вскоре придётся уехать.

– Возвращаетесь в Финляндию?

– О-о, если бы... На юг России.

– Сообщения оттуда тревожны.

– Это и ужасно... Папа усовершенствовал наше имение по самой последней западной моде. Выписал сельскохозяйственные машины, поставил артезианские насосы. Хозяйство давало хороший доход... И вот мы узнали, что бандиты разграбили всё. Папа был ранен... Его лечили в Екатеринославле. Теперь о нём ничего не известно.

– Он надеялся переждать социальные бури в тихой заводии, – сказал Александр. – А получился тихий омут, где черти водятся. Разгулялись бесы по святой Руси.

– Мы подождём дополнительных известий, – продолжила Полина, – и решим, что предпринять. Ведь у нас там были ценности.

– И немалые, – добавил Александр. – Мой двоюродный

дядя лишних расходов не делал и банкам не доверял. Коллекционировал золотые монеты, кольца с бриллиантами и прочие вечные ценности. Если хотя бы часть уцелела...

– Александр любезно согласился нас проводить, если придётся ехать.

– А я? – нелепо спросил Сергей.

– Что – вы? – удивился Александр.

– Я тоже мог бы... Ну, как корреспондент...

– Нам вряд ли нужен летописец.

– Нет, нет, зачем вам рисковать? – сказала Полина, впрочем, не слишком решительно.

– Мне было бы очень интересно. Всё-таки столица – не совсем Россия. Или даже совсем не Россия.

По залу прошелестело шевеление, шепоток. Сергей оглянулся. За столик невдалеке уселись два чинных господина с дамами.

– Знаете, о чём я сейчас мечтаю? – тихо сказал Александр, ни к кому не обращаясь.

– Спасти Россию, наверное? – усмехнулся Сергей. – Я угадал? Сейчас все об этом мечтают. Это её и погубит.

– Я хотел бы подойти к тому бледному господину, который слева, и вlepить ему пулю в лоб.

– Кому такая честь? – удивился Сергей.

– Литератор Ропшин. Он же товарищ военного министра Савинков. Он же социалист-революционер, террорист, соучастник убийства великого князя Сергея. Самодовольная

личность, мнящая себя героем.

Полина прервала опасный разговор:

– Здесь определённо пахнет гарью.

Эlegantный конференсье с чёрной в белый горошек бабочкой и белым цветком в петлице обратился к присутствующим:

– Гражданки и граждане свободной России, позвольте преподнести вам поэтический сюрприз!

Публику, однако, взволновало не это известие, а восклицание дамы: «Здесь что-то горит!»

Конференсье принялся: «Успокойтесь, дамы и господа. Если чей-то театр прогорает, то только не наш!»

«Определённо запах дыма!» – раздался мужской голос.

– И дым Отечества нам сладок и приятен. – Конференсье был настроен игриво. – Не будем обращать на него внимания. По достовернейшим сведениям, в окрестностях Петербурга торфяные пожары... Итак, предлагаю вниманию почтеннейшей публики поэтический портрет Ропшина, выполненный пером мастера. Прошу, Максимилиан Александрович.

На эстраду ступил плотный полноватый мужчина с лицом античного Зевса, одетый по парижской моде. Полина шепнула Сергею: «Это наш дачный сосед, поэт Волошин». «Я узнал, – так же шёпотом ответил Сергей. – Его бюст у нас на ля рю Этуаль».

Волошин, глядя куда-то вдаль, нараспев:

Холодный рот. Щеки бесстрастной складки
И взгляд из-под усталых век...
Таким сковал тебя железный век
В страстных огнях и бреде лихорадки...
Но сквозь лица пергамент сероватый
Я вижу дали северных снегов.
И в звёздной мгле стоит большой сохатый,
Унылый лось, с крестом между рогов.

Александр, успевший опустошить вторую рюмку коньяку, встал и направился к Савинкову. Сергей, беспокоясь за последствия этой встречи, последовал за ним.

– Борис Викторович, разрешите спросить вас? – сказал Александр.

– Извольте, – равнодушно произнёс Савинков.

– Меня неотвязно терзает вопрос: как может православный русский, дворянин покушаться на жизнь великого князя? Значит, можно убить и помазанника Божия и при этом спокойно принимать почести и посещать кафешантаны?

– Полагаю – да. Не я придумал этот трагический балаган. Я лишь оружие в руках судьбы. Наша общая судьба – революция. А её в белых перчатках не делают.

– Простите, – поспешил вмешаться Сергей, – я корреспондент парижской газеты...

– Интервью не даю, пардон.

– Ну, ничего не поделаешь, пойдёмте, Александр. – Сер-

гей взял его под руку и отвёл от стола.

– На этих перчатках, – пробормотал Александр, – кровь невинных жертв...

А на эстраде томная женщина с подведёнными глазами надрывно низким голосом причитала под аккорды пианино, плавно поводя руками, как бы пlying:

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня:
Россия, Россия, Россия,
Мессия грядущего дня.

Александр, словно услышав скорбную весть, всхлипнул и сунул руку в карман (Сергей вздрогнул), достал носовой платок и шумно сморкнулся. Сказал сипло:

– Проклятые социалисты распинают Россию, как Мессию... Потеряли царя, теряем веру, потеряем и отечество... Как пить дать... А верно, пить так пить... Не пора ли ещё выпить?

Вечер катился под откос. Александр быстро хмелел, говорил о Париже, где не был, но теперь хочет побывать, чтобы «на этой “лярюлице” Этуаль отбить нос у бюста Волошина».

Сергей стал волноваться, как бы Александр не стал придирается к Волошину, который больше походил на мощного бугая, чем на нежного поэта.

Полина была молчалива и не могла преодолеть своего тревожного настроения. По-видимому, они с матерью вынуж-

дены были серьёзно урезать расходы: из гостиницы перебрались в двухкомнатную меблированную квартиру на Васильевском острове.

6

Тщетны были предупреждения Кирилла Павловича. Масовое народное шествие с возможным противодействием правительственных войск Сергей не мог пропустить.

Среди демонстрантов, преимущественно матросов, солдат и всякого случайного серого люда он – в светлом парусиновом пиджаке, при галстуке, с записной книжкой – выглядел инородным телом. Впрочем, никто не обращал на него внимания. Толпа двигалась организованно, напряжённо. Повидимому, была осведомлена о возможности вооружённого столкновения.

Сергей на ходу записывал отдельные реплики. Пробовал задавать вопросы, но вразумительных ответов не получал. Смысл был примерно такой же, как лозунгов на транспарантах: «Долой министров-капиталистов!», «Власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!», «Земля и воля!», «Мир народам!», «Да здравствует социализм!», «Да здравствует интернационал!»

Хмурый широкоплечий моряк средних лет с пышными баками и красной полоской в петличке, приглядевшись к нему, отошёл к своим и сказал (Сергей краем уха слышал):

– Товарищи, тут у нас, кажись, провокатор.

Почувствовав нездоровый интерес к своей особе, Сергей отошёл в сторонку, стараясь слиться с толпой. Заметив новые транспаранты с лозунгами анархистов, а возле них матроса с чёрным флагом, он вновь достал записную книжку. Откуда-то возник тот же с пышными баками, положил руку ему на плечо:

– А ну, товарищи, давайте-ка разберёмся с этим господином: больно уж смахивает на провокатора.

Не нарушая общего движения, Сергея молча окружили матросы. Он, бормоча про долг репортёра и затравленно озираясь, действительно стал выглядеть весьма подозрительно. Понимая это, он ещё больше взволновался:

– Господа, господа... Пардон...

– Так я ж говорил! – торжествуя произнёс пышнобакый.

Вдруг откуда-то сверху грянул выстрел. Ещё один. И тотчас затараторил пулемёт. По толпе пронёсся то ли гул, то ли стон. После секундной паузы – истошные крики.

Возле Сергея – горластое «Полундра!». Матросы бросились в укрытие. Толпа разваливалась. Падали транспаранты. По мостовой, как град, застучали пули. Со звоном посыпались стёкла. В разбитую витрину опрометью ринулись два матроса, сшибая манекены.

На мостовой корчился раненый, держась за бедро. Лежала ничком женщина, без движения. Среди бегущих, озираясь,

стоял мужчина, прижимая к себе маленького мальчика.

Сергей невольно фиксировал события, не поддаваясь панике. Из чердачного окна углового дома вспыхнули огоньки выстрелов. Сергей бросился к дому вслед за несколькими демонстрантами. В гулком просторном парадном шёпотом совещались матросы. Они крадучись, держась у стен, стали подниматься по лестнице. В руках у двух револьверы. Лестница плавными изгибами вилась вверх – с провалом в центре.

Сунув блокнот за пазуху, Сергей пристроился к поднимающимся.

Сверху послышался какой-то стук... Громкий шёпот: «Берегись, братва...» И снова осторожный подъём. На последней площадке четвёртого этажа было пусто. Железная лесенка вела к закрытому люку. Матрос, ловко взобравшись по ней, попытался открыть люк. Соскользнул к своим. Шёпотом: «Надо б с чёрного хода посмотреть».

Сергей, поднявшись на площадку, столкнулся лицом к лицу с владельцем пышных бакенбард. Замер.

– Товарищи, а он тут. Провокатор!

– Тот самый?

– Однозначно.

– Кокнуть гада!

– Ну, зачем. Он ведь и упасть может.

– Да что вы, гос... товарищи...

– Эй, там, в трюме, – прогудел матрос в лестничный про-

лёт. – Полундра!

Сергей вцепился в перила мёртвой хваткой, отбиваясь ногами. Кто-то грубо отодрал его руку от перил, кто-то схватил за ногу... С ужасом Сергей увидел перед собой пропасть...

Сверху приоткрылся люк. Выдвинулось из щели дуло маузера. Прозвучали подряд пять выстрелов Люк захлопнулся. Владелец баков, пошатнувшись, рухнул в провал. Сергей кубарем покатился по лестнице. Матросы, лёжа, начали палить в люк. Сергей поднялся и огромными прыжками, держась рукой за перила, бросился вниз. В ушах гремели выстрелы. Казалось, что стреляют ему в спину.

7

Сергей подошёл к высокой металлической ограде дачи. Ворота были открыты. Широкая короткая аллея вела к парадному крыльцу с колоннами. Она раздваивалась, огибая роскошную клумбу, увенчанную неработающим фонтаном.

«Убежище больше князя, чем анархиста», – подумал Сергей. Ему была назначена встреча на этот час. Перед крыльцом стоял крупный блестящий, как лакированный башмак, тёмно-синий «Паккард». За рулём сидел шофёр в военной форме и с очками на лбу. Значит, у Кропоткина был важный гость.

В просторной полукруглой прихожей, украшенной мраморной статуей, его встретила Софья Григорьевна Кропот-

кина – невысокая женщина средних лет с тонкими чертами лица, умными карими глазами и волнистыми волосами, тронутыми сединой.

– Вы корреспондент? – спросила она. – Простите, вам придётся подождать. У Петра Алексеевича сейчас Керенский.

Молодой человек в военной форме с маузером у пояса внимательно оглядел Сергея. Спросил: «От какой газеты, товарищ?»

Сергей и Софья Григорьевна поднялись на второй этаж. Там стоял ещё один военный, постарше. Сергей, достав блокнот, устроился на диванчике возле бочки с пальмой.

Открылась дверь. Появился Керенский – в полувоенном френче, подтянутый, стройный. Вид у него был раздосадованный. За ним вышел Кропоткин. Внешность князя заставляла отбросить литературные штампы о «благородных тонких чертах лица, свидетельствующих о древности рода». В родовитости Петру Алексеевичу нельзя было отказать. Но никакая «порода», ясно заметная у собак или лошадей, в его облике не замечалась.

Невысокий, плотный старик. Крупная лысая голова с двумя пучками седых волос на висках. Широкий крутой лоб. Небольшой нос. Большие усы и окладистая борода, ниспадающая на грудь, более всего приличествующая кучеру, попу или крестьянину.

Сергей занёс в блокнот: «Он предоставил свободу своей

личной растительности, как подлинный анархист».

Решительно сделав несколько шагов, Керенский резко повернулся. Закинув голову и положив руку на френч там, где билось сердце, он не без патетики негромко и проникновенно сказал:

– Пётр Алексеевич, надеюсь, ваш отказ не окончательный. Родина в опасности. Мы находимся между двумя безднами. Справа – сторонники самодержавия. Слева – большевики. Нас может спасти только объединение всех патриотических сил... Прошу вас, наконец. Согласитесь. Мы предлагаем вам любой министерский портфель, по вашему усмотрению. В России вас знают и уважают. Вы окажете неоценимую услугу родине.

– Дорогой Александр Фёдорович! Вынужден сказать с полной определённостью: я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным, чем государственная служба.

Керенский развёл руками, раскланялся с хозяевами и быстро простучал сапогами по лестнице. Сергей встал со своего места. Кропоткин подошёл к нему, приветливо улыбаясь и протянув руку:

– Ву э журналъ де Пари?

– Да, я из Парижа, но – русский.

Обстановка в кабинете была богатая. На большом столе лежали книги, газеты, бумаги. Кропоткин предложил Сергею низкое мягкое кресло. Встал около стола и произнёс, словно оправдываясь:

– Это дача Ван-дер-Пальсема, владельца фабрики «Скороход». Мы вскоре переезжаем в Москву... Извините, но у нас с вами только полчаса. Будет делегация рабочих металлического завода.

Сергей вспомнил пассаж из какой-то книги о психологии животных, возможно, у Эспинаса: в семействе кошачьих тот, кто доминирует, стремится занять более высокое положение в прямом смысле, возвышаясь над подчинёнными. Не так ли произошло и в данном случае?

– Вы, как признанный вождь анархизма... – начал он.

– Вождь?! – Кропоткин вспыхнул, словно от оскорбления, даже рукой взмахнул. – У нас же не первобытно-общинные отношения... Вождь краснокожих... Нет!.. Вы, по-видимому, незнакомы с программой анархизма. Мы отрицаем власть, а значит, и вождизм.

– Большевики тоже отрицают власть.

– Они отрицают власть существующую. Для того, чтобы установить свою собственную.

– Простите, я не совсем понимаю, что произойдёт, если победит анархия. Я понимаю, это не хаос...

– Анархия – это свобода.

– Согласен, да. Все провозглашают свободу. Это самый расхожий лозунг.

– Буржуазные свободы предполагают власть капитала и экономическое порабощение трудящихся.

– Насколько я понимаю, и большевики против власти ка-

питала.

– Они за власть государства. Это мало что меняет. Скольвается частная инициатива и свобода личности. Это готовит власть наихудших. Февральская революция сделала шаг к свободе. Однако остаётся реальная опасность диктатуры государственников.

– Большевики выступают за коммунизм, подобно вам.

– Коммунизм возможен в разных формах: от полной свободы до полного рабства и террора. Нельзя прийти к свободе, укрепляя государство, то есть власть чиновников.

– Всё-таки странно: вы – князь, потомок древнейшего рода, барин, сын богатого помещика, бывший царский офицер – и вдруг стали народником, анархистом. Что заставило вас? Чем вы были обделены?

– Я? Решительно ничем.

– Вы имели всё, о чём только можно мечтать: богатство, титул, доступ во дворец...

– Добавьте: благоволение царя. Да-да. Сам император Николай Первый определил меня в Пажеский корпус...

Сергей знал этот эпизод и включил его в свою недавно начатую книгу.

Жизнь и приключения князя Петра Кропоткина

Часть 1. Царская милость

Зал Московского дворянского собрания заполнен звуками полонеза. В блеске драгоценностей и орденов развёртывается торжественное шествие. На возвышении под балдахинном с вензелем «Н I» стоит Николай I. За представителей всех народов России выступают переодетые дворяне.

Апофеоз праздника. Гимн «Боже, царя храни!». Дети несут шестьдесят жезлов с гербами губерний страны, выстраиваются в два ряда перед императором и склоняют перед ним жезлы.

Царь шепнул что-то главному камергеру, кивнув на детей. Придворные в расшитых золотом мундирах засуетились, вытянули из шеренги милого малыша с ясным взглядом и круглым лицом, обрамлённым кудрями.

Князь Гагарин, одетый тунгусом – в тонкой замше с бутфорским луком через плечо, – поднимает мальчика и ставит его к Николаю I.

– Что, Гагарин, это твой? – спрашивает царь.

– Племянник, Пётр Кропоткин, сын князя Алексея.

Царь за руку подводит малыша к молодой великой княжне:

– Вот каких молодцов мне нужно!

Княжна смущается, краснеет. Она ждёт ребенка. Царь поворачивается к Петру:

– Ты хочешь конфет?

– Я хочу крендельков.

Тотчас возникает поднос с крендельками. Пётр подставляет свою высокую шапку. Пояснил:

– Я отвезу Саше, старшему брату.

Великий князь Михаил соизволил пошутить:

– Пай-мальчика гладят вот так. – Он проводит своей белой рукой по лицу сверху вниз. – А шалуна гладят вот так! – Он провёл рукой снизу вверх, задирая нос ребенка.

У Петра на глазах появляются слезы.

– Ну что, будешь пай-мальчиком? – спрашивает Михаил.

Петя, стараясь не расплакаться, отрицательно качает головой.

Пай-мальчиком он не стал. Пажеский корпус обтёсывал ершистые характеры учеников. Но только не Петра Кропоткина. То ли сказалось его имя – Пётр (по-гречески «камень»), то ли избыток гордости.

* * *

Группа маленьких пажей строем, усердно отбивая шаг,

марширует по коридору Пажеского корпуса. Подойдя к широкой лестнице, ребята весело бегут вверх. Одного из них отзывает рослый рыжий камер-паж:

– Кропоткин! Немедленно в сад. Будете шары подавать.

Кропоткин отрицательно качает головой. Камер-паж замахнулся своей фуражкой, чтобы ударить его по лицу. Пётр, защищаясь, выбивает её. Фуражка падает на пол.

– Поднимите! – приказывает верзила, сжимая кулаки.

Кропоткин тоже сжимает кулаки. Верзила отступает.

* * *

Учитель чистописания выводит на классной доске немецкие слова. В классе кавардак. Один из обитателей камчатки наливает в губку чернил и посыпает сверху мелом.

Ища губку, чтобы стереть с доски, учитель поворачивается к учащимся. «Камчадал» кричит: «Эберт, лови!» Бросает ему губку. Эберт ловит её; серая жижа брызнула в лицо. Балбес хохочет. Класс постепенно стихает. Учитель садится за стол, протирает очки и лицо, бормочет:

– Не надо шалить, господа. Продолжим урок.

– Свинство ты сделал, – оборачивается к балбесу Кропоткин. Тот встал: «Извините, господин учитель». В классе тихо.

– Не шалите больше, – произносит Эберт.

В помещение входит капитан. Кропоткин на правах де-

журного командует: «Господа пажи!» Капитан инспекторски проходит по классу. Оглядывается на Эберта. Брезгливо:

– Что за вид, господин учитель. Стыдно-с.

Кропоткин не выдерживает:

– Прошу прощения, господин капитан. На занятии не место ротного командира! Вы не инспектор.

Капитан хочет одёрнуть дежурного, выкатывает глаза, приоткрывает рот, но, поняв, что возразить нечего, поворачивается, щёлкнув каблуками, и покидает помещение.

* * *

Кропоткин в тёмном карцере. На столе кусок чёрного хлеба и кружка воды. Пётр отжимается от пола несколько раз; поднимает табурет; приседает...

Пытается напевать рондо Фарлафа из «Руслана и Людмилы» Глинки: «Близится час торжества моего...» А потом принимается гавкать на разные лады, изображая дуэт двух псов над коркой хлеба.

...На уроке один паж шепчет другому:

– Кропоткин в карцере с ума сошёл. Говорить не может, лает только.

* * *

Кропоткин лежит в лазарете. Он болен. В палату заходит инспектор-полковник Жирардот. Говорит с французским акцентом:

– Вот лежит в госпитале молодой человек, крепкий, как мост через Неву.

– Господин полковник, не смейте так говорить! – вспыхнул Пётр. – Я попрошу доктора, чтобы он запретил вам ходить в эту палату!

– Ну зачем так сильно горячиться на простую шутку, – пошёл на попятную Жирардот.

– А я не шучу! – отрезал юный паж. Он не терпел посягательств на свою честь.

* * *

Военные учения в Петергофе. Моросит дождь. Кропоткин ведёт взвод солдат. Все устали. Ноги вязнут в болотистой почве. Худенький солдат спотыкается, падает. К нему подходит Кропоткин:

– Что у тебя?

– Так бы и не вставал. Тяжко.

Кропоткин помогает ему подняться. Командует, подра-

жая Суворову:

– Чудо-богатыри, вперёд!.. Запевай!

Все приободрились. Солдат, усмехаясь:

– Скажет тоже... Чудо-богатыри.

* * *

Ясный летний день в Петергофе. Командир вручает Кропоткину буссоль и планшет:

– Снимите план этого озера и части парка с дорогой.

Пётр идёт выполнять задание. Измеряет углы между наменными объектами, шагами отмеряет расстояние. Усаживается под мощным дубом, вычерчивая план местности.

Защебетала птица. Ветерок прошелестел в листьях. Снова тишина.

Кропоткин тихо напевает из оперы «Фауст»: «Привет тебе, приют священный...»

* * *

Ночью Кропоткин и его товарищ, припудренные, в придворном платье, идут по каменным лабиринтам Петропавловской крепости. Издали доносится перезвон башенных часов. Промелькнула какая-то тень... чей-то стон...

– Кропоткин, – шепчет товарищ, – вы слышали?

– Слышал.

– Говорят, тут бродят души заключённых... Вы не боитесь попасть в их число?

Кропоткин, словно предчувствуя свою судьбу:

– Быть может, будет так... Не боюсь.

Они заходят в собор. На постаменте под балдахином, нисходящим из-под купола, покоится гроб. Рядом стоят у свечей две фрейлины и два камер-пажа. Кропоткин с товарищем сменяют дежурных.

...Панихида. После прочтения молитв члены императорской фамилии тушат свечи, переворачивая их. Маленький великий князь неловко перевернул свечку, обжёгся, охнул, махнул рукой и нечаянно поджёг балдахин.

Огненный язык побежал вверх. Все оцепенели. Кропоткин, под огненными хлопьями, летящими сверху, смотрит на трёх фрейлин в чёрных вуалях и длинных шлейфах. Женщины неподвижны.

– Нужно гроб нести, – приказывает Александр II. Камер-пажи накрывают гроб золотой парчой и поднимают его. Фрейлины отходят. На место, где они стояли, падают пылающие куски ткани. Гроб несут сквозь искры и дым.

* * *

Пётр читает письмо старшего брата Александра:

«Философия без естественных наук в основе есть неле-

пость... Политические науки тоже осознали необходимость положить в своей основе естествознание... Мы стоим ещё у порога изучения природы, в естественные науки ещё не введён элемент философии...»

Пётр отвечает брату, пишет:

«Твоё письмо ясно указало мне, что нужно мне заняться естественными науками, я решительно не имел о них никакого понятия, кроме каких-нибудь поверхностных сведений. Надо заняться...»

* * *

Воскресенье, раннее утро. Пётр уговорил трёх товарищей отправиться на взморье.

Небольшой пароход негромко тарахтит, оставляя в ясном небе чёрную расходящуюся полосу дыма, а на воде – светлую расширяющуюся полосу волн. Пётр с товарищами стоит на корме.

– Друзья, – говорит он, – послушайте стихотворение Огарёва Искандеру, оно как нельзя кстати.

Он вдохновенно декламирует:

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно-мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном,
Всю жизнь мне всё снова, и снова, и снова

Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!
Измученный рабством...

– Господа! – воскликнул кто-то. – Вон рыба плещется!
– Да это целый кашалот!
Все радостно загалдели.

* * *

Александр II на коне после военной церемонии на Марсовом поле подъезжает к группе офицеров и камер-пажей.

Вокруг него образуется толпа. Здесь и Пётр Кропоткин. Царь торжественно произносит:

– Господа офицеры! Положен конец вековой несправедливости! Крепостное право отменяется! Я жду жертв от дворянства... Благородное дворянство сомкнётся вокруг престола!

Гремят восторженные крики. Грянуло «Ура!».

* * *

В оперном театре на галёрке Пётр Кропоткин с товарищами. Представление не началось, но в зале царит ликование. Зрители поют гимн:

– Боже, царя храни!..

Звуков оркестра не слышно, хотя дирижёр машет палочкой, а музыканты играют на инструментах.

Отдельные выкрики:

– Слава Царю-освободителю!

* * *

На балу Александр II прогуливается между гостями. Его по пятам сопровождает верный паж Пётр Кропоткин. Он готов в любой момент защитить государя от злоумышленников.

Кто они? Никто определённо сказать не может. По мнению одних – обозлённые крепостники, которых лишили рабов. По мнению других – революционеры, которым желательно обострить до предела общественное брожение, свергнуть самодержавие и порушить Российскую империю.

* * *

В залах Зимнего дворца выстроены войска. Александр II делает обход. За ним шагает Кропоткин. Его догоняет один из офицеров. Говорит тихо:

– Придворному камер-пажу перед строем нельзя.

– Нет генерал-адъютанта, – так же тихо отвечает Кропоткин. – Я не могу оставить государя.

Царь, ускоряя движение, крупными шагами идёт мимо строя. Проходит анфиладу залов. За ним почти бежит невысокий Кропоткин, придерживая на боку палаш.

Александр II сворачивает в полутёмное пустое помещение. У окна останавливается. Обернувшись, видит камер-пажа:

– Ты здесь, Кропоткин? Молодец!

* * *

26 мая 1862 года, в Духов день – страшный пожар в Петербурге. Вспыхнул и запылал огромный Апраксин двор, а за ним и дровяные склады на другом берегу Фонтанки.

Словно огнедышащий Змей Горыныч метался в каменных стенах двора, выпаливая из глазниц окон искры и дым. Рухнула крыша. Столб огня и пепла взмыл в небо, подобно вулканическому извержению. Вспыхивали лавки, и огненные вихри метались в переулках.

Пажи вместе с пожарными и горожанами отстаивали здание Пажеского корпуса, к которому подступало пламя. Среди первых был Пётр Кропоткин.

Сражение с огнём закончилось поздно ночью. Прокопчённые, измазанные сажей, а то и с подпалёнными волосами пажи чувствовали себя героями.

За пожаром в Петербурге последовало несколько других в провинции. Случайное совпадение? Вряд ли. Кто поджигает?

тели? Полиция не дала ответа, начав аресты революционно настроенной молодёжи.

Конкретных поджигателей не нашли. Главное подозрение падало на сторонников крепостного права и провокаторов.

* * *

Великий князь Михаил производит обход Пажеского корпуса. Его согласно требованиям службы сопровождает Пётр Кропоткин. Закончив обход, великий князь обращается к нему:

– Ты на Амур собрался? Что за охота?

– Путешествовать хочу, – отвечает Пётр.

– У тебя там родные?

– Нет, никого.

– А генерал-губернатор Корсаков тебя знает?

– Нет.

– Как же ты поедешь? Тебя определят в какую-нибудь глухую казачью станицу – с тоски умрёшь. Я лучше напишу о тебе Корсакову и попрошу оставить тебя где-нибудь при штабе.

Осталось только поблагодарить великого князя. И не только за протекцию. Отец Петра был категорически против его решения, так же как желания поступить в Петербургский университет. Теперь согласие отца было обеспечено.

Выпускники Пажеского корпуса выстроились в Зимнем дворце. Несколькими днями ранее они были произведены в офицеры и теперь ожидали напутствия царя.

Пётр Кропоткин выделялся своим странным простонародным или причудливо карнавальным нарядом: чёрный мундир с красным воротничком без петличек, папаха из волчьего меха. Серые шаровары.

Александр II остановился перед ним в некотором недоумении:

– Так ты едешь в Сибирь? Что ж, твой отец согласен?

– Да.

– Тебя не страшит ехать так далеко?

– Нет! Я хочу работать. А в Сибири так много дела, чтобы проводить намеченные реформы.

Царь пристально взглянул на него. Задумался, отвёл глаза, проговорил:

– Что ж, поезжай. Полезным везде можно быть. – Лицо сделалось усталым и отрешённым.

Это была последняя встреча самодержца с тем, кто вскоре выступит против его и всякой другой власти.

Попытка психоанализа

Начав жизнеописание князя Кропоткина, хочу проверить свои возможности. У нас в Париже книга австрийского психиатра Зигмунда Фрейда вызвала сенсацию с элементами шока. Стало модно рассуждать о бессознательном и тем более о либидо.

Правда, мой отец не без гордости отметил, что учение о сознательных и бессознательных рефлексах основал русский учёный Сеченов, а чрезмерная озабоченность Фрейда проблемами пола заставляет подозревать, что в этой сфере у него не всё нормально или это ловкий трюк для привлечения праздной публики.

Возможно, он отчасти прав. В своё время на меня произвела сильное впечатление книга немца дю Преля «Философия мистики, или Двойственность человеческого существа». Он писал, что сновидения приходят к нам из обширной области бессознательного. Впрочем, кто только в наше время не пишет о бессознательном. Но всё-таки Фрейд занятнее и, я бы сказал, пикантнее других, а порой чрезвычайно смел.

По отношению к Петру Кропоткину интересно применить именно метод Фрейда, хотя бы не в столь гротескной, как у него, форме психоанализа. Фрейд на скользкой почве сексуального влечения строит свои гипотезы о психических

аномалиях. Но в одном случае он, как мне представляется, высказал весьма интересную мысль.

Свой метод он применил, анализируя личность Леонардо да Винчи. То же самое в полной мере относится и к Петру Алексеевичу. Как отметил Фрейд, сексуальная энергия может сублимироваться, перевоплотиться в энергию творчества или общественной деятельности. Он постарался показать это на примере великого Леонардо.

Пётр Кропоткин, пожалуй, не менее яркий пример сублимации. В его обширных воспоминаниях почти нет упоминаний о его любовных переживаниях. И не потому, что он чрезмерно стыдлив. У него за всю жизнь было всего два-три мимолётных увлечения женщинами, не считая долгих лет супружеской жизни.

Создаётся впечатление, что его сексуальная энергия нашла выход в кипучей революционной деятельности, в страсти к путешествиям и научным исследованиям. Тема интересная, и я ещё к ней вернусь.

Моя главная задача – как можно точнее показать существенные моменты необычайной жизни аристократа и революционера по его воспоминаниям. Какие картины детства и юности всплывали в его памяти?

На закате жизни каждый из нас будет или рассказывать о бывших ошибках и прегрешениях, или оправдывать свою жизненную линию, которую сам же и выбрал.

Раскаивается ли Пётр Алексеевич в том, что пошёл про-

тив своего класса, своего круга, своих предков, наконец? Добавим: против присяги царю, которому некоторое время служил верой и правдой!

Он круто развернул свой жизненный путь. Пошёл наперекор судьбе, уготованной ему по рождению, образованию, положению в обществе. Как это произошло? Почему? Что заставило его принять такое решение?

Он ни в чём не раскаялся. Значит, вольно или невольно вспоминал то, что может его оправдать. Получился образ рыцаря без страха и упрёка.

Нет, я нисколько не сомневаюсь в его искренности. Уверен: все эпизоды он припомнил с предельной точностью. Я постарался столь же точно их воспроизвести. Но...

Представьте себя на его месте. Вы избрали для себя роль народного заступника, революционера. Да, именно так: выбрали роль. Или надели маску. А как же иначе? Не может человек вдруг испытать столь необычайный метаморфоз.

В мире насекомых гусеница превращается в бабочку. Удивительный процесс! Он до сих пор остаётся загадкой. Какая внутренняя сила заключена в гусенице, способной так преобразиться? Почему она не может продолжать свою жизнь, спокойно питаясь растениями? Нет, она обретает крылья и устремляется в полёт.

Писатель Максим Горький, предчувствуя русское восстание 1905 года, написал революционную «Песню о Буревестнике». В ней есть слова: «рождённый ползать летать не мо-

жет». А в природе ползающая гусеница оборачивается лег-
кокрылой бабочкой.

Максим Горький, воспевающий тех, кто пребывает на дне общества, верит, что есть врождённые, ни к чему не годные обыватели, есть изгои, а есть врождённые герои, творящие революционные перевороты. На примере князя Кропоткина в это поверить трудно.

Неужели в душе человека возможна внезапная метамор-
фоза, подобная превращению гусеницы в бабочку? Для это-
го необходима духовная катастрофа, сотрясающая весь
строй личности.

Нрав бунтаря, анархиста, должен проявиться в юности.
У князя Кропоткина этого не было. Значит, он избрал для
себя роль революционера, выступил в этой роли и добился
признания. Но разве она подходит для него?

Он желает либо путешествовать, совершать откры-
тия, испытывать приключения и острые ощущения, либо
поступить в университет. Как показали дальнейшие собы-
тия, он действительно был талантливым естествоиспы-
тителем, мыслителем.

Что характерно для учёного? Стремление познать при-
роду, её законы. Он собирает и тщательно продумывает
факты, мыслит объективно и логично. Разве это совмести-
мо с анархическим складом ума и характера?

В России был другой пример аристократа-анархиста –
Михаил Бакунин. Настоящий бунтарь! Отец его примыкал

к декабристам, выступившим против царя Николая I. Сам Михаил в 21 год вышел в отставку. Он был увлечён романтической мечтой о героических свершениях и о полном освобождении личности от власти государства и церкви, от экономического рабства.

Мог такой человек стать учёным? Он получил отличное образование, писал оригинальные философские работы. Но учёным не стал. Наука требует от учёного признания несвободы, подчинённости человека законам природы и жёсткого научного метода.

Бакунин под псевдонимом Жюль Элизар опубликовал статью «Реакция в Германии». Она в своё время наделала много шума. В ней он провозгласил: «Радость разрушения есть творческая радость».

Вот кредо подлинного анархиста!

Такой ли принцип исповедует князь Кропоткин? Ни в коей мере. Он призывает к революции, но не выходит на баррикады, подобно Бакунину, не воюет с оружием в руках за свободу. Стрелял ли он, подобно Савинкову, в высших чиновников проклинаемого им государства? Нет и ещё раз нет. Он желал бы делать революцию в белых перчатках.

Он участвовал в демонстрациях, дрался с полицейскими. Но – не более того. Разве анархиста, отвергающего общественные предрассудки, может остановить заповедь «не убий»?

Михаил Бакунин – подлинный демон свободы. Он не при-

знавал даже научную рациональную мысль. А князь Кропоткин, как положено учёному, уповаает на науку.

Вот что писал Бакунин: «Горе было бы человечеству, если бы когда-нибудь мысль сделалась источником и единственным руководителем жизни, если бы наука и учение стали во главе общественного управления. Жизнь иссякла бы, а человеческое общество обратилось бы в бессловесное и рабское стадо. Управление жизни наукою не могло бы иметь другого результата, кроме оглубления всего человечества».

Нечто подобное повторил Фёдор Михайлович Достоевский в «Записках из подполья». С такими мыслями можно не соглашаться, но надо признать: они выражают глубинную суть анархизма, отвергающего даже власть науки!

Насколько мне известно, князь Кропоткин ничего подобного не писал, не говорил. Он – учёный. Этим всё сказано.

Я не принижаю его личность, говоря о роли или маске анархиста. Мы все такие, только на разных ролях. Истинно сказано Шекспиром: мир – театр, а мы в нём актёры. Хотя мы же и зрители, а для своей жизни отчасти и драматурги, чаще всего бездарные.

Да, мы вынуждены играть свои роли. Некоторые самоабвенно входят в полюбившийся образ самого себя. Не знаю, как вы, а я замечаю это за собой.

В спектакле под названием «Жизнь» мы выходим на сцену невольно. Сначала нас готовят к той или иной роли. В нашей

власти что-то подправить в этой игре или даже сменить амплуа, как это сделал князь Кропоткин.

Повторю: не может человек внезапно духовно преобразиться. Гусеница испытывает метаморфоз, потому что в ней уже присутствует образ бабочки. Надо только воплотить его в реальность.

У гусеницы нет выбора. Она предназначена для того, чтобы испытать чудесное преобразование. Она не может поступать иначе. Она не имитирует бабочку, а становится ею.

Мы больше похожи на хамелеонов. Меняемся, выбирая себе разные роли в зависимости от ситуации. Это – не духовное преобразование, а имитация его. Переход от одной роли к другой. Наш духовный мир пластичен, и мы этим умело пользуемся.

Бывает лицемерие, призванное обмануть окружающих. Однако благородные натуры, к которым я безусловно отношу князя Петра Кропоткина, ни в коей мере не лукавят. Они искренне играют свои роли, порой идя на подвиг и смерть...

Подчас не мы выбираем себе роль, а она выбирает нас. Великий импровизатор Судьба, Рок греческих трагедий – вот кто или что определяет во многом наш выбор. Можно ли противостоять тому, что происходит вокруг нас? Приходится приспособливаться.

Мой отец – убеждённый атеист, мать – глубоко верующая христианка. Мне приходилось лукавить, приспособли-

ваться к нему или к ней. Не из страха наказания или ради выгоды, нет. Я не хотел их огорчать, и это хорошее доброе чувство заставляло меня лукавить. Сам того не сознавая, стал я агностиком, ещё не ведая, что это означает. Для меня одинаково близки и одинаково чужды были атеизм и христианство.

Обычно люди делают выбор между «то» и «это». У меня получилось иначе: «ни то ни это» или «и то и это» в зависимости от обстоятельств.

Мы не безвольные марионетки в руках Судьбы. Есть некоторые более или менее ограниченные возможности для выбора. Нам диктуют не только условия среды. Сказывается и наш внутренний духовный мир.

Мы сознаём только малую часть его. Тёмные глубины подсознания воздействуют на нас вне нашего рассудка. Мы над ними не властны... Не они ли они управляют нами? Нет, не только они...

Мысли о личности князя Петра Кропоткина завели меня в непролазные дебри. Придётся остановиться.

Кропоткин, без сомнений, человек незаурядный. Но ему приходится играть роль, не подходящую его натуре. Он мягок, добродушен, рассудителен. А подлинный анархист жёсток, жесток и безрассуден.

Таково моё мнение. Быть может, оно ошибочное. Наверняка – упрощённое. В глубинах нашей личности таятся неожиданные причудливые химеры.

Говорят, чужая душа – потёмки. Но и своя душа – не ясный день. Иногда со стороны ты видней, чем при взгляде в глубины своего «я».

Один уважаемый мною господин, знавший Петра Алексеевича в годы эмиграции, предполагает в нём скрытое стремление к власти. Это не власть деспота, сидящего на троне. Это власть учителя масс, духовного монарха.

Парадокс! Идеолог анархии с монархическими наклонностями.

Обдумав эту версию, я не нашёл её нелепой. Тем интересней было осмысливать жизнь и деятельность князя, появление которого в России заставил вспомнить образ князя Ставрогина.

Анархист и антихрист – созвучны. Не отражает ли это созвучие сходства по сути? Есть мистическая связь нашего князя-анархиста с героем романа «Бесы».

Было сказано Достоевским о Ставрогине: в нём есть простодушие и наивность. Это точно о Петре Алексеевиче! «Аристократ, когда идёт в демократию, обаятелен». Совершенно верно! Подлинные черты и манеры князя Кропоткина!

Удивительная и странная это фигура. Возможно, действительно разгулялись бесы на Руси, а тут и в самый раз появлению князя-антихриста... то есть анархиста.

Глава III. Тайна личности

1

Очное знакомство Сергея с Петром Алексеевичем было скоротечным. Вечером Сергей просматривал свои выписки из книги «Записки революционера» и размышлял о непростом характере мятежного князя.

Редкая удача: интервью с самим Кропоткиным! Расшифровывая стенограмму, Сергей обдумывал, как наиболее органично вставить сюда выдержки из нескольких статей Петра Алексеевича и интервью с ним, опубликованные в газетах.

Цельная картина не складывалась. Для начала он поступил просто: пересказал встречу и беседу с вождём анархистов, пообещав дать вскоре комментарий к статье с учётом российских реалий. Но эти реалии оказались весьма запутанными.

Свежий номер «Нивы». На обложке портрет Кропоткина и подпись: «Старейший из мучеников русской революции. Более половины жизни истинный борец за свободу провёл в изгнании. Теперь, спустя сорок лет после своего заключения, П. А. Кропоткин вернулся на родину, чтобы стать в ряды созидателей новой жизни России».

Его называют «дедушкой русской революции». Имеется и «бабушка»: Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, знаменитая эсерка. Но кто же тогда прямые родители? Ни названный дедушка, ни бабушка не стремились установить буржуазную демократию. Они – за свержение царя и против власти капитала.

Казалось бы, и «дедушке», и «бабушке» пора бы отречься от такой революции, а тем более от буржуазного государства. А они приветствуют и революцию, и, как это ни странно, государственную власть. Кропоткин даже выступил перед уходящими на фронт выпускниками Академии Генерального штаба. Призвал к войне до победного конца.

Нечто невероятное! Идеальный вождь анархистов не возражает против воинской дисциплины и государственной власти. Что бы это значило? И почему он отклонил лестные предложения Керенского? Не потому ли, что быть всего лишь министром счёл недостойным для себя? Почему – недостойным?

Есть два варианта. Как анархист он не должен унижаться до государственной службы. Как Рюрикович, князь, он претендует на самое высокое положение в обществе. Второе, возможно, отвечает требованиям его бессознательного «Я». Как говорится, голос крови, духовное наследие предков. А первое подсказывает разум...

Утром Сергей, по обыкновению, вышел побродить по улицам Северной Пальмиры. Оказался у Александрийской ко-

лонны, увенчанной ангелом.

Конец июля выдался тихим, тёплым. Небо над Петроградом было ясное. Тусклым золотом отливал купол Исаакия; сверкал шпиль Адмиралтейства.

Свернул в переулок. На стене красовался крупный плакат: дебелий рабочий с молотом; сзади тёмный крестьянин пашет на пустом поле; восходит огромное солнце, похожее на велосипедное колесо: «Да здравствует социализм!» Рядом карикатура на царя: «Николай Последний». Бывший царь стоит на фоне Царь-пушки и Царь-колокола с отколотым краем. Подпись: «Не стреляет, не звонит, не правит».

Возле карикатуры остановились двое, потыкали пальцами в бумагу, хохотнули и двинулись дальше.

Промаршировал отряд грудастых девиц в военной форме. Из кучки солдат – то ли отпускников, то ли дезертиров – комментарии:

- Во, братцы, немец теперь не пройдёт.
- Враз поляжет, это точно.
- Ну дак... Вон бонбы какие за пазухой!

Мимо карикатуры на царя прошёл молодой человек в шляпе. Оглянувшись, попытался отодрать бумагу, но сорвал только клочок. Видно, поцарапав палец, чертыхнулся, лизнул ранку, сплюнул и двинулся дальше.

До условленной встречи с Полиной было ещё два часа. В кафе Сергей выпил стакан чая, отдающего мылом. Пожевал пирожное с повидлом, стал писать в блокноте.

Подошла не слишком опрятная девица, забрала пустой стакан и обиженно сказала: «У нас тут не университет». С таким обслуживанием Сергей столкнулся впервые.

Дошёл до цирка «Модерн». Возле него, как на паперти у храма, – нищие. Слепой старик: «Подайте Христа ради». Безногий солдат терзает гармошку. Лицо красное, радостное; он пьян. Рядом – фуражка с керенками, монетами.

В здание цирка не пробиться. На помосте истошно орёт матрос, пытаюсь перекрычать гвалт толпы:

– А я говорю – мать порядка, мать вашу!..

Не в силах перекрыть гул возмущения, он суёт два пальца в рот и, надув щёки, свистит. Его стаскивают с помоста. В толпе голоса: «Троцкого!.. Троцкого!..» Аплодисменты.

Выходя из помещения, мужчина божественного вида – с длинными волосами и козлиной бородкой – произносит в расчёте на слушателей:

– Воистину цирк революции!

...В Летнем саду прохаживались, привычно раскланиваясь, господа и дамы, одетые скромно, но сохранившие церемонность. Под статуей расположилась группа солдат, негромко напевающих что-то протяжное, деревенское. Один из них усердно вырисовывал на постаменте нечто неприличное. Две девицы, в вызывающих нарядах и размалёванные, замедлили игривые шаги; заметив весёлые взгляды солдат, одна что-то шепнула другой, и та, презрительно фыркнув, устремилась вперёд.

Сергей заметил в конце аллеи Полину и Александра и поспешил им навстречу. Втроём они не спеша двинулись по набережной Фонтанки.

– Мы в отчаянии, – говорит Полина. – Остаётся надеяться, что папиным родственникам в Москве что-то известно. Наверное, придётся ехать на юг.

– Это слишком рискованно, поверьте, – сказал Сергей. – Судя по всему, назревают большие беспорядки. Возможна гражданская война. На юге особенно опасно.

– Теперь безопасно только в могиле, – отозвался Александр.

– Мне кажется, – обернулась к нему Полина, – вы стали играть какую-то трагическую роль.

– Что вы, дорогая кузина. Совершается историческая трагикомедия. Смешная до слёз. Вот и батюшка ваш со своим передовым сельским хозяйством, со своею благословенной и усердно нажитой частной собственностью, где он? Я весьма надеюсь, его мы отыщем в конце концов. Но вот святая собственность... Большевики и анархисты грозятся устроить у нас коммунизм. А это значит, вся собственность будет в руках вождей. Её, да и вас в том числе, начнут выдавать для поощрения трудящихся масс.

Они свернули в тихий переулок. Там тарахтел на холостом ходу автомобиль. За рулём – шофёр в кожанке и крупных очках, скрывавших лицо. Рядом молодой мужчина в большой кепке, надвинутой на глаза. Он махнул им рукой, предлагая

уйти отсюда. Они остановились.

Два прилично одетых парня деловито и быстро вынесли из проходного двора какие-то вещи, завёрнутые в красивые ткани, сгрузили их в автомобиль. Стоящий у автомобиля для убедительности показал стоящей троице револьвер.

Аргумент подействовал, они повернули назад. Сергей обернулся. Из подворотни выбежал ещё один молодчик с узлом в одной руке и револьвером в другой, прыгнул в машину. Она, зверски взревев, взяла с места и пропала за поворотом, оставив дымный след и смрад.

В подворотне, нарочито топая, возник сторож, держа в руках ружьё наперевес. Удостоверившись, что всё тихо, заорал: – Дворец ограбили! – И пальнул в воздух.

2

В Москву выехали вчетвером: Полина с матерью, Александр и Сергей. Сидя у окна, Сергей читал «Записки революционера», временами оставляя на полях пометы карандашом.

Работа над документальной повестью не составляла большого труда. В блокнот он выписывал эпизоды из жизни «великого авантюриста». Через несколько дней после исправлений и, главным образом, сокращений переписывал в красную тетрадь, подаренную отцом.

В глубине купе Полина тихо разговаривала с Алексан-

дром. За окном проносились в тусклой предосенней мороси перелески с тёмно-зелёными елями и рано начавшими желтеть берёзками, убогие деревеньки, пустынные поля – простор и печаль.

Александр тронул Сергея за локоть:

– Князь Кропоткин определённо сделает из вас революционера.

– Тс-с, мадам Леонтьева спит.

– Не беспокойтесь, – грустно улыбнулась Полина, – от волнений мама спит особенно крепко... А вам, Сергей, не с нами надо бы ехать, а возвращаться в Париж и раздувать там пожар мировой революции. Теперь эта идея становится модной.

– Нет, увольте, в Париже меня не поймут. Я не работаю для левой или жёлтой прессы. Наша газета либерально-демократическая, рассчитанная на среднего парижанина. Вообще, я стараюсь по мере сил предоставлять читателям объективную информацию. Буржуазии полезно знать, что творится в России.

– Не ровён час, революционная зараза и до них дойдёт, – усмехнулся Александр. – Натуральная красная чума.

– Мне кажется, – сказал Сергей, – эта болезнь не смертельна. Она пройдёт, и общественный организм станет крепче, сильнее. Освобождение личности – благородная цель. Пробуждается энергия масс.

– Да, безусловно. Эти массы с большой энергией грабят.

Подорвана вера в Бога, царя и Отечество! – Александр был явно раздражён.

– Переход к демократии – болезненный процесс.

– Власть демоса? Этой серой массы? Равные права у меня и моего денщика? Власть солдат над офицерами?..

– Господа, господа, – вмешалась Полина, – недоставало нам устроить политические дебаты. Помнится, Сергей Арсеньевич, тогда в дороге вы читали другую книгу. Или для вас это новый катехизис?

– Так и есть, отчасти. Пытаюсь понять психологию мятежника... Хотя так и не решил, кто же Кропоткин на самом деле. Свободного времени мало. Отсылаю две корреспонденции в неделю, не считая мелких сообщений. Мне разрешили остаться в России до конца года. Я убедил их, обещал в скором времени сенсации. Насколько я понимаю, борьба за власть только ещё началась.

– И что вас удерживает в этой несчастной стране? – поинтересовался Александр. – Все деловые, знатные и богатые граждане стремятся на Запад. Сюда слетаются, как вороньё на падаль, только поджигатели местной и мировой революций. Они и накаркали революцию.

– Я не деловой, не знатный и не богатый. У меня работа такая. Должен вам признаться, Россию я воспринимаю как свою вторую родину. Ведь я же русский, хотя и рождён во Франции. Я многократно приезжал к одному дяде в Петербург, к другому – в Сергиев Посад. Он архиерей.

Варвара Фёдоровна неожиданно подала голос. Она уже некоторое время дремала, закрыв глаза и запрокинув голову на спинку кресла.

– Вот она отчего бывает, эта революция.

– Что вы имеете в виду? – не понял Сергей.

– От того, что все сословия перемешались. Никто своё место не хочет занимать. Раньше как бывало? Вот тебе род священников, вот тебе род дворян. Или купец, крестьянин, рабочий – каждый знал своё место. А как началась эта кутерьма, перепуталось всё, оттого и перевороты начинаются. Напрасно царь им поблажки давал.

– Сушая правда, Варвара Фёдоровна, – поддержал Александр. – Когда глупое дитя разбалуется, его не грех и розгами проучить. Вот Сергей Арсеньевич про князя Кропоткина читает. И тот в революционеры пошёл. Полный пердюмокль!

– На Руси, – отозвалась она, – и прежде бывали князья, которые всякие заговоры устраивали. Вот и этот, видать, не прочь законного царя с трона свалить и самому там утвердиться.

– Мысль интересная, – согласился Сергей. – Не исключено, что так оно и есть. Он может стремиться к этому неосознанно, так сказать, из глубины души. Ведь он из рода Рюриковичей.

– А иные родовитые князья, – добавила Варвара Фёдоровна, – начинают с жиру беситься. Вроде бы всего у них

в полном достатке, а чего-то ещё душа ненасытная желает. Помнишь, Полина, ты мне давала роман прочитать про одного английского лорда? Который в бродягу переодевался и по всяким трущобам шатался, среди воров и разбойников... Ему, видите ли, приключений захотелось.

– Не совсем так, маман, – сказала Полина. – Он как будто проживал две жизни сразу. Вот у нас принято говорить: всяк сверчок знай свой шесток. Не всем это по нраву. Некоторым людям хочется прожить жизнь особенную, а не сидеть на своём шестке. Эти люди – романтики.

– Авантюристы! – поставил диагноз Александр. – Им не острые ощущения нужны, а богатство и власть. Тогда у них будут все ощущения, которые пожелают, и даже больше. Царский трон был опорой державы. Подрубили опору, вот и зашаталась Россия, того и гляди рухнет. Уж если они решили у нас демократию учудить, то и гнали бы этого князя взащей. Он же им полную анархию устроит, хаос и беззаконие.

– Удивительно! – воскликнул Сергей. – Я два месяца собираю материалы о мятежном князе, записи делаю, с ним встречался, так и сяк соображаю, психологические тонкости продумываю. А в результате пришёл примерно к тому же самому, что вы так сразу и выложили.

– От долгого думанья ума не прибавится, – резонно заключила Варвара Фёдоровна. – А уже если всё сходится, как в пасьянсе, так, значит, в том и есть правда.

Говорят, за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. От зайцев переходят к обобщениям. Мол, занимайся одним делом: всяк сверчок знай свой шесток.

У Сергея было иначе. Как будто мало ему было журналистской суеты. Взялся писать о Петре Кропоткине. И эти две параллельные линии неожиданно переплелись. Общество показалось похожим на соборную личность, у которой тоже есть кроме сознания глубины бессознательных инстинктов и чувств.

Он не знал, что задолго до него об этом уже рассуждали мыслители и была основательная критика таких воззрений. Но для него это было личным открытием. Он рассуждал так.

Наш организм работает вне нашего сознания. Бьётся ритмично сердце, смотрят глаза, слышат уши, действует печень, пульсирует кровь, переваривает пищу желудок, сокращаются кишки и всё такое прочее.

Значит, есть не зависящие от нас регуляторы и организаторы этой работы. На то и существует нервная система, головной и спинной мозг. Сознание, наше привычное «Я» управляет телом как единым целым. Но главные функции организма от сознания не зависят. Если бы мы руководили всеми клетками и органами, начался бы хаос.

Таково обоснование анархии. Каждая клетка, каждый ор-

ган живёт самостоятельно, и нет над ними одной власти. Если всеми будет управлять единый центр, начнётся разлад.

Но оправдана и монархия. Да, в каждой клеточке-семье общественного организма, в каждой организации своё управление. Но кто-то должен управлять телом как единым целым, подобно тому, как мозг руководит нашими действиями. Для того и поставлен монарх.

Конечно, никакой монарх не может самостоятельно управлять государством. У него десятки, сотни, тысячи помощников и советников. Это похоже на нервные клетки головного мозга. Однако среди них нет одного главного. Значит, и мозг тоже устроен по принципу анархии?

А как обстоит дело с нашими мыслями? Разве не по нашей воле при свете разума рождаются они? Разве не благодаря своим размышлениям и взглядам на мир выбираем мы свой жизненный путь? Разве не обдумываем свои поступки?..

Стоп! На последний вопрос нет простого ответа. Часто мы совершаем неожиданные для себя, необдуманые поступки под влиянием эмоций, внезапных внешних обстоятельств или в состоянии полнейшей растерянности.

Мысль тоже подчас осеняет внезапно. Откуда-то появляется без наших усилий, как бы сама собой. Порой так рождаются великие открытия. Поэты называют это вдохновением, пророки – озарением.

Откуда прорывается этот незримый свет?

Одни говорят – из космоса. Другие – из глубин души. Тре-

ты ссылаются на Бога, что ещё более загадочно.

Что для нас космос? Ослепительное Солнце, точки звёзд и чёрная бездна между ними. Где тут может родиться наша мысль? Да и что такое человек перед безмерностью Вселенной?

Значит – смирись, гордый человек! – мысли, вдохновение, озарение отнюдь не даны тебе свыше. Источник их – в тебе самом. Ибо в глубинах твоей души существует собственная бездна, и она темна для твоего сознания. Эта бездна и есть бессознательное.

Быть может, точнее сравнивать его с океаном. Сознание – это волны и поверхностные течения. Ниже, куда не проникают лучи солнца, идёт своя потаённая жизнь, движутся массы вод и скользят тени неведомых существ.

Познай самого себя, призывали древние. Но можно ли проникнуть сознанием в глубины, не доступные сознанию? Кому-то кажется, будто он осуществил такое погружение в состоянии медитации, в наркотическом безумии. Но как знать, не обманут ли ты странными тенями, призраками этого загадочного мира?

Вот почему легче познать – со стороны – другого человека, чем самого себя. Тем более что к себе мы относимся весьма субъективно.

Казалось бы, вывод обоснован. Психолог или писатель как знаток человеческих душ может решительно рассуждать о других людях. И Сергей уже решил, что ему удалось проник-

нуть в потёмки души своего главного героя, догадаться о его бессознательных устремлениях... Не тут-то было!

Увы, о другом человеке ты судишь ограниченными средствами рассудка, не имея представления о том, что тебе подсказывает твоё собственное бессознательное. Тебе не дано наблюдать его поведение в разных ситуациях. То, что он рассказывает о себе, приходится либо принимать на веру, либо осмысливать на свой лад...

Легко начав документальную повесть о незаурядном человеке, Сергей понял, что, возможно, придётся завершить её большим знаком вопроса: кто же это такой – всемирно знаменитый князь анархии? Как он будет вести себя в новой России?

Проще оперировать выдуманными героями – марионетками писателя-кукловода. Они могут быть смешными, страшными, трогательными, но это будут продуманные образы. С живыми людьми так не получается.

Сергей представлял себя на месте родовитого князя, наследника богатых имений, лично знакомого с императором. Что ещё требуется такому человеку? Как бы я поступил на его месте? Почему бы я выбрал далёкое Амурское казачье войско? Захотелось свежих впечатлений? Но места глухие, таёжные, там рискуешь захандрить, одичать, спиться от тоски...

Понимал это Кропоткин? Безусловно. Он отказался от высокого положения в обществе, от близости к престолу, от

службы в столице или в родной Москве. Значит, ему хотелось испытать себя, он искал приключений в далёком краю, значительная часть которого на географических картах оставалась белым пятном.

Авантюрист? В некотором роде. Но не золотые же россыпи он надеялся найти. Скорее всего, ему хотелось стать географом-первопроходцем, открывателем новых земель. Судя по всему, он был искренне увлечён познанием природы. Возможно, привлекала его слава первооткрывателя. Во всяком случае – не служебная карьера.

4

По дороге в Москву Сергей обдумывал очередную заметку в газету, но она не складывалась. Это же не документальная повесть, в которой допустимы психологические рассуждения. Нужен чёткий политический анализ. Нельзя же признать, что у специального корреспондента уважаемой газеты сумбур в голове.

Добрый дедушка русской революции

Моя встреча со знаменитым анархистом князем Петром Кропоткиным была скоротечной. О ней я рассказал документально точно и обещал дать комментарий. Сделать

это оказалось непросто.

Какой контраст с его имиджем! Милый интеллигентный старичок. В ответ на предложение премьер-министра Керенского войти в правительство, Пётр Алексеевич ответил отказом, на мой взгляд, без какой-либо позы.

Судя по всему, такова его принципиальная позиция. Хотя в то же время он не призывает свергать новую демократическую власть. Напротив, выступает за продолжение войны, которую коммунисты называют империалистической.

Как же так? Вождь анархистов смирился с властью буржуазного государства? Почему же тогда он отказался войти в правительство?

Отсутствие логики в поступках Кропоткина тем более удивительно, что он не просто политик (а если совсем не политик?), а учёный. Он производит впечатление не демона, а доброго дедушки революции.

В России говорят: в тихом омуте черти водятся. Трудно судить о замыслах Кропоткина. Но факт остаётся фактом: он не призывает разрушить государственный механизм. Хотя называл его орудием власти человека над человеком. Он писал: «Государство – покровитель мироедства, заступник хищничества, защитник собственности, основанной на захвате чужой земли и чужого труда!»

Таковы теоретические постулаты. Их трудно оспорить. Но жизнь не укладывается в прокрустово ложе теорий. Революция в России совпала с Мировой войной. Возможно, Ми-

ровая война породила русскую революцию.

Говорят, это буржуазно-демократическая революция. Сопоставляют её с французской революцией 1793 года.

Я не политический обозреватель, не философ, не историк. Выскажу свои личные впечатления. На мой непросвещённый взгляд, в России пока ещё нет революции. Есть анархия, ибо официальная власть слишком слаба.

Испугавшись анархии, царь и его брат отреклись от престола. На этом настояли генералы, демократы. Можно было ожидать военной диктатуры. Идёт война, и это было бы оправдано. Но и в военном руководстве, по-видимому, боятся анархии не меньше, чем царь, и пытаются сотрудничать с ней.

Официально власть представляет Временное правительство. Его контролирует Петроградский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Как они ладят, трудно сказать.

Идут постоянные демонстрации разных партий по разным поводам. Происходят мелкие стычки и крупные ограбления. На улицах много рабочих и моряков. Это больше всего похоже на анархию. Сможет ли Временное правительство взять власть в свои руки? Надеюсь, но сомневаюсь.

Прибытие международного анархиста князя Кропоткина не объединило анархистов. Они окончательно раскололись на три части. Одни, вслед за Кропоткиным, заняли странную для анархистов примиренческую позицию. Другие

– против войны, за свержение Временного правительства. Третьи осуществляют грабежи, называя их экспроприацией. Их лозунг: «Грабь награбленное!»

Эти третьи, пожалуй, и есть настоящие анархисты.

А что же Пётр Кропоткин? Как переживает он реалии анархизма в России? И переживает ли? Не знаю.

Глядя на этого добродушного старичка, трудно поверить, что он был храбрым офицером, совершал опасные путешествия, вёл подпольную работу, был узником Петропавловской крепости, участвовал в анархических демонстрациях в Западной Европе.

Он являет образ профессора, умудрённого жизненным опытом, но никак не яростного анархиста. Ему предоставили роскошный по нынешним меркам особняк. Теоретик анархии пребывает в уютном кабинете. Практическая анархия бурлит на улицах.

Жизнь и приключения князя Петра Кропоткина

Часть 2. Сибирская эпопея

* * *

Из дневника Петра Кропоткина.

«Николаевская ж. д. 24 июня 1862 г.

Наконец-то навсегда выбрался я из Петербурга. Пора, давно пора... Наконец видится то приволье, которое я так люблю. Как надоели эти противные стриженные дорожки в Петергофе, шоссе и проч., а там и этому радовался...»

* * *

В родовом имении Никольское отец встретил Петра сдержанно. Всё-таки сын избрал не ту стезю, на которую направлял его князь Алексей Петрович. Сибирь уготована каторжникам и ссыльным офицерам. Там карьеру не сделаешь.

Пётр бодр и весел. Ему 20 лет. Он рад свободе и природе. Скачет на коне по полям, валяется в траве, глядя на небо,

облака.

В соседнем имении молодая барышня Лидия. Она не прочь встретаться с ним. Но разговор у них не клеится. Она смущается, начинает рассказывать что-то о соседях, о своих московских знакомых. Петру это неинтересно, он с трудом поддерживает разговор. Они оба смущаются, не зная, что сказать.

Со стороны это могло бы показаться робким щебетом влюблённых.

Его запись в дневнике после отъезда из имения: «Я расстался с Никольским... Но хладнокровнее, чем когда-либо. Лидия? Для меня это не более, чем первая девушка, которая, кажется, питает некоторое сочувствие, – но не более. Я равнодушен, равнодушен даже к тем местам, которые оставляю, а я на них вырос; всё, что я испытывал, это маленькая дрожь, нетерпеливость, маленькое лёгонькое волнение, но только... а еду я так далеко и, может быть, надолго. Откуда это равнодушие? Или надежда увидеть новое, интересное? Или перемена характера? Не берусь объяснить».

* * *

По договорённости с газетой «Московские новости» Пётр Кропоткин посылал туда свои путевые очерки. Они печатались в воскресном «прибавлении» начиная с осени 1862 года. Он писал:

«Проезжая по бесконечным хлебоборобным степям Тобольской губернии и с удивлением вглядываясь в окружающее, я задавал себе вопрос: отчего всем нам знакома только безотрадная Сибирь, с её дремучими тайгами, непроходимыми тундрами, дикою природой-мачехой... а между тем всем нам так мало знакома та чудная Сибирь, эта благодатная страна, где природа-мать щедро вознаграждает их малейший труд, их малейшую заботливость?.. Вот какую явилась мне эта страшная Сибирь: богатейшая страна с прекрасным, незагнанным населением, но страна, для которой слишком мало сделано».

Он стал осваивать профессию журналиста. Гонорары за публикации получал Александр Кропоткин. Опыт журналиста был Петру кстати. Он учился приглядываться к природе и людям. Мысли и наблюдения старался высказать ясно, точно и желательно в художественной форме. Он любил писать и был в восторге от Сибири.

* * *

5 сентября 1862 года Пётр Кропоткин прибыл в Иркутск. Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков предоставил его в распоряжение 35-летнего забайкальского губернатора Болеслава Казимировича Кукеля. У него была прекрасная библиотека революционных лондонских изданий Герцена, запрещённых в России. Кропоткин принял

предложение генерала-вольнодумца стать его адъютантом.

Целый год Пётр Алексеевич работал в Чите. Составлял проекты реформ системы ссылок и тюрем, местного самоуправления (материалы были посланы в столицу и там сгинули без следа).

Другой помощник Кукеля А. Л. Шанявский в последующие годы выказал деловую сметку. Стал золотопромышленником, разбогател и основал в Москве на собственные средства Народный университет. Так появился один из крупных научно-просветительных центров в России.

* * *

Сибирь – место каторги и ссылок, военизированных поселений – была свободолюбивым, вольным краем.

Сюда был сослан в 1857 году анархист Михаил Александрович Бакунин. Его в Саксонии и Австрии дважды приговаривали к смертной казни за участие в революционных боях. В 1851 году его выдали русскому правительству.

Бакунин 7 лет томился в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Николай I заменил тюрьму вечной ссылкой в Сибирь. Через 5 лет Бакунин бежал в Америку. Видно, не так уж строго опекали его сибирские власти.

Он остался бунтарём. Не смог смириться с демократической позицией Карла Маркса в Международном товарище-

стве рабочих, Первом мнтернационале. Он жаждал революционных переворотов.

Кропоткин слышал о Бакуanine и о его идее отделения Сибири от Российской империи. Вольные сибирские соединённые штаты! Очередная утопия. Пётр Кропоткин верил в единую великую Россию. С царём, парламентом и с конституцией. Как в Великобритании.

Служба во имя такой России вдохновляла его. Он не боялся трудностей. Ему была не по нраву лёгкая тусклая бессмысленная жизнь. Он жаждал приключений, сильных впечатлений. Возможно, ему хотелось проверить себя, преодолевая трудности. Принцип верный. Безвольно плывя по течению, не обретёшь силу.

* * *

Освоение новых земель обычно происходит по долинам рек, берегам озёр и морей. Русские осваивали Дальний Восток с побережья Тихого океана, а на юге – по Амуру.

Где взять добровольцев, желающих поселиться в неведомых краях? Пришлось вернуть гражданские права ссыльнокаторжным. Освободили тысячи опасных преступников и солдат-штрафников.

Свобода себя оправдала. Вольные люди занялись земледелием, скотоводством. Но покорить могучую сибирскую природу было трудно. Надо было отвоёвывать у тайги каждую

десятину земельных угодий. Боролись с нашествиями грызунов и перелётных птиц, уничтожавших урожай. Терпели бедствия во время бурных разливов рек или долгих и обильных дождей.

Переселенцам на Амуре, ещё не успевшим освоиться на новом месте, и местным войскам не хватало продуктов. Временами это грозило голодом. Приходилось доставлять им продукты питания.

* * *

Кропоткину поручили сопровождать баржи с провизией, отправляемые из Сретенска по реке Шилке до Амура. Предоставили команду из освобождённых штрафников. Он выдал им немного денег.

Вся команда и сам Кропоткин были неопытными сплавщиками. Вскоре одна баржа врезалась в камень у высокого утёса и получила пробоину. Мука и соль стали размокать. Никто не догадался закрыть пробоину кулём муки. Вычерпывать воду было нечем.

Кропоткин послал гонцов в Сретенск к своему приятелю офицеру Малиновскому, опытному сплавщику. Тот приплыл на барже, быстро и точно организовал спасательные работы. На следующий день плавание можно было продолжить.

Вечером в трактире сотник Амурского казачьего войска

Пётр Кропоткин сидит за столом с майором Малиновским. Бравый вид князя не радует майора. Он укоризненно качает головой:

– Отправка барж, а что же вы натворили, Пётр Алексеевич? Выдали им деньги!

– Но они дали мне честное слово явиться ровно в пять часов утра.

– Боже мой, да кто они-то? Натуральные разбойники, штрафники.

* * *

На берегу Шилки на пустом причале дремлют тяжелогружёные баржи. Золотой рассвет. Загораются от солнечных лучей края облаков. Блики света дробятся на речной ряби. Где-то истошно вопят петухи.

Кропоткин, Малиновский и два их денщика стоят на причале. Малиновский достаёт часы.

– Так где же они, Петр Алексеевич?

Кропоткин пожимает плечами. Смотрит в сторону. Радостно вскрикивает:

– Да вот, вот они, родимые!

Из-за изб появляется группа мужиков. Те, кто ещё держится на ногах, поддерживают, словно вынося раненых с поля боя, вдребезги пьяных товарищей.

Кропоткин хватается за голову. Малиновский, привык-

ший к таким ситуациям, командует своему денщику:

– Кто на ногах не стоит – в воду.

– Господин майор, не извольте беспокоиться, судьба сама определит. – Сметливый солдат кивает на узкие сходни, по которым надо пройти на баржу.

Пьяная команда подходит к сходням. То один, то другой, взмахивая руками, валятся в воду. А кто и вовсе мимо трапа шагает напрямиком в реку. Майор, Кропоткин и денщики едва успевают вытягивать на берег «освежившихся». Снова направляют их к трапу.

* * *

Баржи плывут по стрелю, плавно огибая утёс. На закате пылают облака. Вода становится лиловой. Негромкая русская песня летит над рекой. По берегам – дремучая тайга. Вот и медведь, выйдя на мелководье, прислушался, поглядывая на баржи. У громадного кормового весла сидит Кропоткин, подпевая и глядя вокруг по-детски удивлёнными глазами.

Поздний вечер. Высветились первые звёзды. Узкий серп луны сверкает у горизонта. Баржи плывут по реке. Лёгкий туман над водой. Берегов не видно. Пожилой солдат, сидящий у руля, говорит Кропоткину:

– Пристать пора... Знать бы только, где селение... Пётр Алексеич, будь так добр, полай маленько.

Кропоткин лает-заливается, как некогда в карцере. Откуда-то доносится ответный лай. Кормчий доволен, поворачивает руль.

* * *

В маленькой лодчонке с двумя гребцами и мальчиком на корме, Кропоткин плывёт по реке. Высокие волны захлёстывают посудину.

– Ох, гневается Амур-батюшка, – говорит мужик.

– Там крушение барж, мне срочно надо, – оправдывается Кропоткин.

– Семи смертей не бывать, а одной не миновать, – отвечает другой гребец. – Приналяжем.

Новые удары волн едва не опрокидывают лодку. Гребцы бросают вёсла, крестятся, шепчут молитвы. Кропоткин изо всех сил вычерпывает воду старым ковшом:

– На Бога надейся, да сам не плошай!

– А ну, на вёслах, не робей! – звонко кричит мальчик с кормы, налегая на рулевое весло. Мужики, очнувшись, снова начинают грести.

* * *

Возле скал на волнах качаются остатки разбитых барж. По

берегу ходят мужики, собирая мешки. Буря продолжает бушевать. Малиновский заходит с Кропоткиным в каменный грот, где горит костёр, сушатся казаки, лежат груды вещей.

– Итак, Пётр Алексеевич, разбито бурей сорок четыре баржи. Сто тысяч пудов муки погибло в Амуре. Вам надобно срочно отправляться к забайкальскому губернатору.

– Почему именно мне?

– Знаете ли... Воруется много. Целыми баржами. Потом природными катастрофами оправдываются. Казнокрад развелось, как крыс... А вам поверят. Надо вам ехать, князь, и никому другому. Переселенцам на Амуре грозит голод. До конца навигации надо успеть снарядить новые баржи. Храни вас Бог.

* * *

На утлой лодчонке с гребцами Кропоткин плывёт вверх по Амуре. Их нагоняет странный пароход. Он идёт зигзагами; команда бегает по палубе. Наконец кто-то прыгает в воду. Кропоткин направляет лодку к месту происшествия. В воде барахтается моряк средних лет, отбиваясь от спасателей:

– Прочь, бесы окаянные!

С трудом удаётся его вытащить из воды и усмирить.

Кропоткин поднимается на корабль. К нему бросаются пассажиры. У женщин на глазах слезы. Голоса:

– Вы должны спасти нас!

– На корабле полная анархия!

– У капитана белая горячка!

– Вам как офицеру надлежит взять бразды правления.

И вот Кропоткин прохаживается по капитанскому мостику. Пассажиры на палубе приветствуют его улыбками, доброжелательными поклонами. Он с достоинством отвечает им, играя роль бравого капитана.

«Меня просили принять командование пароходом, и я согласился. Но скоро, к великому моему изумлению, я убедился, что всё идёт так прекрасно само собою, что мне делать почти нечего... если не считать нескольких действительно ответственных минут... Всё обошлось как нельзя лучше».

Оказалось, управлять судном не слишком трудно. Команда знала свои обязанности хорошо. Ему оставалось только прохаживаться с важным видом на капитанском мостике. Иногда отдавал приказы, когда требовалось пристать к берегу или подбодрить кочегаров. Так добрались до Хабаровска.

Не тогда ли его впервые осенила мысль о пользе анархии? Каждый будет заниматься своим делом, лишь бы ему не мешали. Так, мол, всё сообразуется само собой.

Можно было немножко отдохнуть. Но Кропоткин спешил. Дорог был каждый день: надвигались холода, заканчивалась навигация. Не успеют отправить новые баржи с провиантом – быть голоду на Амуре.

По горным тропам в сопровождении одного казака он

двинулся вверх по долине Аргуни, сокращая путь. Только в полной темноте делали остановки. Продирались сквозь буреломы. На лошадях преодолевали горные реки. Спали у костра, закутавшись в шинели и одеяла. С рассветом седлали лошадей. Остановка. Выстрел в глухаря. Запечённая на углях птица, овёс лошадям, и снова в путь.

Совершенно измученным добрался он до поселка Нара. Здесь встретил забайкальского губернатора. Сразу же начались сборы нового каравана барж.

Кропоткин поспешил далее, в Иркутск. Даже бывалых сибиряков удивила необычайная быстрота, с которой он преодолел огромное расстояние.

Почти без просыпу он провалялся неделю в постели, восстанавливая силы. И тут новое поручение: выехать курьером в Петербург. Надо лично доложить о катастрофе. Ему поверят как очевидцу и безупречно честному человеку.

Наступала зима. Особенно опасны были переправы через могучие сибирские реки. Кропоткина это не останавливало. Спал в пути. Он как бы испытывал себя в чрезвычайных обстоятельствах.

* * *

Петербург. Тусклый день. Улица запорошена снегом. Кропоткин молодцевато вбегает по ступеням лестницы невысокого дома с колоннами. В гостиной его встречает си-

яющая миловидная барышня, целует в щеку:

– Кузен, сэ фантастик! Пять тысяч вёрст за двадцать дней. Только и разговоров, что о тебе... Сегодня у нас танцуют. А ты сможешь, Пьер?

– Конечно!

И вот уже бал, и музыка, и танцующие пары, и Кропоткин вальсирует с кузиной так легко и радостно, словно не было изматывающей тело и душу дальней дороги.

А через несколько дней – опять в санях по зимнему тракту, навстречу солнечному восходу. Вскоре он вернулся в Иркутск.

* * *

Генерал-губернатор Сибири в своём кабинете вручает Кропоткину паспорт:

– Итак, дорогой князь, отныне вы иркутский второй гильдии купец Пётр Алексеев со товарищами... И упаси вас Бог выдать себя. С маньчжурскими властями шутки плохи. Ни один европеец не посещал этих мест. Недавно посланный туда топограф Ваганов был убит. Вас это не смущает?

– Нисколько, ваше превосходительство.

Новое испытание, новое приключение – опаснее первого. Теперь он военный разведчик. Перевоплощение в купца.

Случайная встреча в придорожном трактире: Кропоткин в простонародной одежде подходит к майору Малиновскому.

Тот в недоумении, не сразу поняв, кто перед ним. Засмеялся, обнял:

– Пётр Алексеевич! Не признал. Быть вам богату... И что это вы так вырядились? Опять, небось, с дамочками спектакль Островского готовите?

– Никак нет-с, – отвечает Кропоткин, – извольте ошибаться. Никаких спектаклей-с.

– Ну, милости просим, присаживайтесь ко мне.

На столе пыхтит самовар, Кропоткин важно усаживается на кончик стула в сторонке:

– Покорнейше благодарим-с и здесь посидим-с.

Налил чай в блюдечко, подул, выпучив глаза, отгрыз крохотный кусочек сахара и стал пить. Малиновский, глядя на него, зашёлся от смеха, поперхнулся и едва не свалился со стула.

* * *

Разоблачить ряженого купца могли ещё на русской стороне, в казачьих станицах. Сюда уже дошёл слух о приезде важного начальника. В одной из чайных хозяйка спрашивает его:

– Сказывали, какой-то князь Рапотский приехать должен.

– Это верно, бабуся.

– Их сиятельство из Иркутска хотели к нам. Ну да где ж им в такую погоду?

– Это верно, – степенно соглашается Пётр Алексеев, – не для князя погода.

Его сопровождают пятеро верховых казаков. Из всей группы только у одного бурята огнестрельное оружие: древнее фитильное ружьё. Он стреляет косуль. Мясо идёт в пищу, а шкуры он припасает, чтобы уплатить калым за невесту.

* * *

Кропоткин – Пётр Алексеев – с трубкой в зубах идёт за своей кибиткой. С ним верховые казаки и старый китаец-чиновник в таратайке.

На перевале возле корявого дерева груды камней. К ветвям и камням привязаны разноцветные тряпочки и конские волосы. Чиновник останавливает таратайку, выдёргивает несколько волос из гривы своего коня и привязывает к ветке. Казаки, подумав, совершают тот же обряд с той же почтительностью, что и китаец.

– Отсюда вода в Амур, – с сильным акцентом говорит чиновник.

Выходит, они перевалили горы Хингана! Он – первый европеец, кому это удалось. Кропоткин выглядит невозмутимым. А в душе ликует: «Всякий путешественник легко представит себе мой восторг при виде этого неожиданного географического открытия. Хинган доселе считался грозным горным хребтом».

Чиновник облачается в синий халат и форменную шапочку со стеклянным шариком. Говорит важно, возвращая Кропоткину его паспорт.

– Дальше нельзя. Твой документ плохая.

– Как так плохая?

– Какой твой документ? Вот мой документ настоящий. – Он показывает лист, красиво исписанный иероглифами.

Кропоткин задумывается. И находит выход. Достает из-за пазухи номер «Московских ведомостей». Аккуратно разворачивает газету и указывает на государственный герб:

– Вот мой настоящий паспорт!

Чиновник остолбенел. С таким документом он встретился впервые. Пришлось позволить Петру Алексееву двигаться дальше.

* * *

Кропоткин в облачении купца стоит на палубе маленького парохода «Уссури», плывущего вверх по реке. Его путешествие завершилось ещё одним географическим открытием. На западном склоне хребта Ильхури-Алинь он обнаружил вулканическую страну. А геологи считают, что вулканы находятся только вблизи морей.

Вдруг пароход, вздрогнув, замирает. Крик: «На мель сели!»

Несколько русских прыгают в воду, пытаются сдвинуть суд-

но. Тщетно! На помощь по мелководью подходят китайцы. Работают вагами, что есть сил. Дело не ладится. Кропоткин, стоя в воде, запекает «Дубинушку». Ему подтягивают свои, в такт налегая на ваги. Вот уже и китайцы подхватили напев, хотя и не зная русских слов. Еще усилие – и пароход сдвинулся с места.

На берегу капитан корабля устроил небольшую пирушку с местными жителями, помогшими в беде.

Кропоткин делится табачком с соседом-китайцем. Тот с уважением смотрит на окладистую бороду Кропоткина и жёсткими спрашивает, зачем ему такая борода. Кропоткин с важным видом выпивает стаканчик водки и показывает, что своей бородой ему очень удобно закусывать. Китайцы хохочут.

* * *

Пётр Алексеевич доложил о результатах своих экспедиций по Сунгари и к Большому Хингану на заседании Сибирского отдела Русского географического общества. В Петербурге на общем собрании Общества известный географ П. П. Семёнов (позже удостоенный имени Семёнова-Тян-Шанского) назвал первую из этих экспедиций «замечательным героическим подвигом», а вторую – ещё более важной для физической географии, чем Сунгарийская.

Петербургская газета «Северная пчела» опубликовала заметку о гигантских водопадах на реке Оке, притоке Ангары. Сообщалось, что они не уступают по размерам знаменитому Ниагарскому водопаду. Проверить это сообщение Географическое общество поручило П. А. Кропоткину.

Он был готов к новым путешествиям и приключениям. Предстояло пройти по малоизученным районам Восточного Саяна около 1300 км. Ему встречались горячие источники минеральных вод. Он осматривал графитовые рудники. Вёл метеорологические наблюдения. Отмечал особенности рельефа горных пород. Знакомился с бытом местного населения...

Вот только водопады оказались скромными. Один высотой не более 20 метров, а другой и того меньше при небольшом водном потоке. Кропоткин продолжил маршрут. Наняв лошадей, отправился с казаком вверх по ущелью Джунбулак.

Оно было прямым, словно по линейке глубоко врезанным в скалы, диким. Огромные глыбы, оторванные от каменных стен, заросли лиственницами. Натёки застывшей лавы переходили в настоящую гладкую мостовую, на которой валялись выбросы шлака. Сравнительно недавно тут действовали вулкан! Факт замечательный.

Странно выглядят валуны неместных пород, принесён-

ные откуда-то издалека. Их называют эрратическими, то есть бродячими. Какая сила передвинула эти огромные камни порой через горные перевалы? Морские воды, некогда заливавшие этот край, или айсберги, плавающие по морям? Мощнейшие грязекаменные потоки? Крупные древние обвалы? А может быть, ледники, сползавшие с возвышенностей? Какой вариант подходит?

Кропоткин не высказал определённого суждения. Хотя обратил внимание на отполированные скалы в верхних частях гор. Это могло свидетельствовать в пользу ледников. Но приходилось прислушиваться к мнению крупнейших геологов, предполагавших преимущественный перенос валунов айсбергами.

Путешественнику было 22 года. Он уже стал опытным первопроходцем. Его всё больше стали увлекать приключения особого рода – научные. Сделано было в эту недолгую экспедицию немало. Отобрали 200 образцов горных пород, произвели замеры высот и описания ландшафтов, открыли кратер молодого вулкана.

В дремучем краю, оторванном от цивилизованного мира, встречались русские поселения преимущественно староверов. Кропоткин задавался вопросом: что привлекло сюда людей? И отвечал себе: стремление к свободе.

Брат Александр прислал из Петербурга книгу англичанина Дэвида Пэджа «Философия геологии». Её предполагалось перевести на русский язык. Работа увлекательная и чрезвычайно полезная, да и оплачиваемая. Это важно: денежный оклад невелик, а богатый отец не желает материально помогать своим сыновьям.

В своей книге Пэдж излагал основы геологии Чарлза Лайеля, размышляя о проблемах времени и пространства, развития жизни на Земле. Пётр учился в настоящем видеть прошлое планеты. Слои горных пород, обнажённые на крутых речных берегах, предстали перед ним как страницы каменной летописи Земли.

Ещё в Пажеском корпусе он изучал геологию. А в Сибири учился читать рельеф, как раскрытую книгу. Язык её понять было трудно. Отдельные факты, как буквы, складывались в слова, и кое-что становилось ясно, а слова порой выстраивались в фразы. Он становился геологом.

Как там у Пэджа: «При отсутствии стремления связать их, собирание фактов становится делом не много более полезным, чем собирание мусора, само же исследование становится сбивчивым и скучным, если не согрето надеждой, что будет наконец внесён закон и порядок».

Дэвид Пэдж, между прочим, имел смелость оспаривать

идею своего знаменитого соотечественника Чарльза Дарвина. Утверждал: одним естественным отбором нельзя объяснить закономерности эволюции живых организмов.

* * *

Из «Записок революционера»: «В человеческой жизни мало таких радостных моментов, которые могут сравниться с внезапным зарождением обобщения... Кто испытал раз в жизни восторг научного творчества, тот никогда не забудет этого блаженного мгновения».

* * *

В сказках царевичу то и дело дают задания одно опаснее другого. Вот и князю Петру Кропоткину в конце концов предложили отчаянный маршрут: пройти по суше от Ленских золотых приисков до Читы. Никому ещё не удалось проложить этот путь через неведомые горы и долины.

Сообщение велось по рекам, что многократно удлиняло расстояния. А по суше из Читы можно было бы гнать на прииски скот, перевозить грузы, везти почту. Золотые прииски расширились; на них уже работали тысячи людей. Экспедицию оплачивали местные богачи, которых называли в Сибири «маслопузами».

На Тихонозадонском прииске князь Кропоткин впервые увидел, какой ценой добывается золото.

На речной террасе в широкой канаве рабочие набрасывают лопатами песок в тачки. Их быстро отвозят по деревянным мосткам к лоткам, где идёт промывка. В других местах к разработкам подъезжают повозки. В стороне возвышалось крупное деревянное сооружение, где тархтит мотор. Начинается механизация?

В 11 часов гудок. Рабочие стали сходиться в группы, по артелям. Одни на небольших кострах кипятят воду, готовят еду. Другие повалились в сторонке на траву. Надсмотрщик, немолодой усатый мужик в помятой шляпе и чёрной рубахе-косоворотке, отправился в контору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.